

Николай Метельский

МЕНЯЯ МАСКИ

Николай Александрович Метельский

Меняя маски

Серия «Маски», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6603777

Аннотация

Он привык быть одним из сильнейших. Тем, чья сила не вызывает сомнений. Тем, кто у целого мира выбил свою независимость. Когда он неожиданно умер, очень многие вздохнули с облегчением. Их можно понять. Но он не зря носил позывной «Кощей». И пусть новый мир лишь похож на его старый, пусть в нем живут те, кто намного сильнее его, – он не привык быть массовой. И он ею не будет.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	57
Глава 3	107
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Николай Метельский

Меняя маски

Пролог

«Приветствую вас. С вами говорит Вестник. Вестник не является разумным, у него нет воли, нет возможностей телефона, он не отвечает на вопросы, через него нельзя связаться с пославшими его: он всего лишь сообщение. Сообщение, которое вы можете слушать, а можете не слушать.

Некоторое время назад в нашем мире случилась беда. Совершенно не важно, что именно, важно то, что нам пришлось принять меры. Действовать быстро и жестко. Не только по отношению к обитателям нашего мира, но и к самому миру.

Нами был произведен направленный взрыв межмировой субстанции – эрхая. Последствия для нашего мира вам наверняка не интересны, а вот последствия для окружающих миров вы почувствовали на себе. Взрывной волны как таковой не было, но искажения пространства накрыли соседние миры. Пострадали только люди. Очень немногие. Лишь те, чья физическая связь с миром была минимальна. Волну от взрыва можно сравнить со сквозняком, который смел со стола бумагу, оставив более тяжелые предметы. В каждом

из девяти миров, попавших под волну искажений, пострадали от двух до четырех человек. Но только вы были выброшены из своего мира в бестелесном виде.

Шансы на то, что волна заденет вас, были один к трем миллиардам, что выкинет вашу душу, – один к восемнадцати миллиардам, что вы выживете, – один к двум миллионам. Нам трудно судить, повезло вам или нет, ведь мы не знаем, были ли вы счастливы *там*. По данным Вестника, *здесь* существует пятьдесят два измерения, населенные различными существами, и все это – лишь часть одного мира, в котором никогда не было даже теории межмировых путешествий, поэтому, к сожалению, вернуться домой вы не сможете.

Мир, где вы оказались, является технохимическим, с зачатками энергомагического. Развивая внешнюю энергетику, люди здесь часто пересекались с магией смежных измерений, но, свернув однажды на технохимический путь, не забыли своего прошлого. Технологически этот мир не сильно превосходит ваш, а в чем-то даже уступает. Но в его истории присутствуют события, которые, лишь краем зацепив Землю, дали толчок и средства для развития в некоторых направлениях, намного опережающих вашу цивилизацию.

Сильно отличаясь в деталях, в целом это место очень похоже на ваш родной мир. Данное послание – это не энциклопедия для вас, оно не является доказательством того, что вы не сошли с ума, это даже не способ ввести вас в курс дела. Наше сообщение – всего лишь извинения. Пусть, возможно,

ненужные вам извинения.

Искренне просим прощения за случившееся, но мы не могли поступить иначе. От наших действий зависело будущее целого мира. Жизнь двадцати трех человек, из которых уцелело шестеро, не стоит целого мира. Простите нас, если сможете...» – Молодая японка в юкате синего цвета, поклонившись, растаяла, словно призрак.

Глава 1

– Син-тя-а-ан!

Вот зараза! Ведь знает, как я не люблю подобную фамильярность. Наедине или в домашней обстановке я уже перестал обращать на это внимание, а на улице, при посторонних, подобное обращение меня сильно нервировало. Впрочем, нельзя показывать, насколько мне это не нравится, такое ее только раззадорит, но и игнорировать не стоит, а то еще привыкнет. Так что, изобразив на лице легкую степень недовольства, я обернулся.

– А, Кояма-сан, привет. Давно не виделись.

– Ты что, мелкий, рехнулся? Забыл уже, кто тебя утром разбудил да из дома в школу погнал?

– А-а-а, так вот кто у меня все утро перед глазами мельтешил. Ну извини, не заметил.

Хрясь. Профессиональный удар в печень был не то чтобы болезненным, но довольно-таки неприятным. Да это и неудивительно. Ведь кто-кто, а Кояма Шина очень хорошо умеет и нападать, и защищаться.

– Это чтоб ты проснулся, наконец, а то вдруг еще что-нибудь важное не заметишь.

М-да... И ведь что паршиво: не угадаешь, когда ударит, а когда проигнорирует. Одним словом, дитя, блин, женского рода. Ладно, Макс, спокойствие, только спокойствие. Она

всего лишь ребенок, семнадцатилетняя девчонка, изучающая боевые искусства чуть ли не с рождения. А ведь в этом мире, который всегда был и остается вотчиной мужчин, никогда знать не знали о такой вещи, как феминизм. Хотя на первый взгляд и кажется, что это не так, но женщина тут практически является собственностью семьи, рода, клана. И как бы Шина ни вела себя, и что бы она ни думала, пойти против воли отца или деда для нее невыносимо. И так повсеместно. Хотя бывают исключения, но относятся они скорее к семьям, где мужики – полные рохли. Впрочем, мне от этого ни тепло, ни холодно.

Кстати, да, стоит, наверное, представиться. Меня зовут Макс, Максим Рудов, и я тот самый сказочный попаданец.

- Ну, что скрючился, идем, а то опоздаем еще из-за тебя.
- Из-за меня, блин! Офигеть... – прошептал я.
- Что-то я тебя не расслышала, что ты там пробормотал?
- Говорю: как скажешь, великая госпожа.
- То-то же, всегда бы так! – и, выпрямив спину, гордой походкой аристократки поплыла вперед.

Наверное, стоит сказать, что сегодня шестое апреля, а значит, начало нового учебного года, и, соответственно, иду я в школу. В первый класс старшей школы Дакисюро.

Высокие заборы, за которыми прятались частные дома и особняки, высились по обе стороны дороги. Из калиток то и дело выходили люди. Дети и взрослые, мужчины и женщины спешили по своим делам. А я, стараясь не отстать от Ши-

ны, быстрым шагом идущей впереди, думал о том, что зря я все-таки выбрал эту школу. История выбора вообще довольно-таки забавная.

После окончания средней школы передо мной встал вопрос: продолжать учебу или нет? И если продолжать, то где. Ну а так как живу я без родителей, то и выбор полностью на моей совести. Про родителей и мою жизнь после их ухода из нее – вообще отдельный рассказ, я бы даже сказал, эпопея, но об этом потом. Так вот, после того как я окончил среднюю школу, семья Шины, мои соседи, буквально взяла меня в осаду. В ход шло все: от банальных рассказов, какое Дакисюро прекрасное учебное заведение, до приглашения на обед в честь дня основания школы и, соответственно, многочисленного повторения историй о ней и общего восхваления.

Я долго не мог понять, что происходит и зачем им меня вообще туда сватать, пока не произошел один случай. В тот вечер мать Шины, Кояма Кагами, позвала меня на ужин, и, даже чувствуя, чем все это закончится, я не мог отказать этой добрейшей женщине (кстати, семейство Кояма, зная это, нередко пользуется моим к ним хорошим отношением).

Не знаю, как так получилось, но на нашей улице, состоящей из стандартных двухэтажных частных домов, только мои соседи жили в приличного размера особняке, выстроенном в традиционном японском стиле, с немаленьким дво-

ром. И все это богатство было окружено двухметровым каменным забором. Впрочем, его высота не мешала сестрам Кояма с легкостью преодолевать это препятствие, чтобы сделать мою жизнь излишне веселой. Правда, Шина, старшая из сестер, последний год перестала так делать, видимо, поняла наконец, что девушке ее возраста скакать через заборы неуместно. Жаль только, что совсем приходит ко мне она не перестала, нашла, видите ли, мальчика для битья. Сам я никогда, хоть и мог, не лазил через заборы, так что, выйдя за крыльцо и пройдя несколько метров, я просто открыл калитку и зашел в эту обитель зла. Утрирую, конечно, но детскую часть семьи Кояма иначе как демонами не назовешь.

Миновав двор, я снял обувь на генкане – небольшом, сантиметров десять в высоту, камне, тянущемся вдоль лицевой части здания. Пройдя по узкой, метра полтора, веранде, зашел в дом.

– Добрый вечер всем, – сказал я, чуть повысив голос, так как в прихожей никого не было.

– Синдзи-и-и! – Визг из глубины дома сменяется топотом, и шестнадцатилетнее рыжее чудо с разбегу прыгает мне на шею. – Синдзи, Синдзи, я наконец освоила тот ужасно сложный прием и теперь могу ломать кирпичи головой!

Что? А, ну да. «Доспех духа». Это не то чтобы прием, а скорей способность, которую тренируют последователи любой боевой техники, – умение концентрировать вокруг тела слой энергии, которая и защищает, и помогает атако-

вать.

Самих техник в этом мире великое множество. При этом они разделены на четыре категории: рукопашный бой, фехтование, бой тупым оружием и бой метательным оружием. В последнюю категорию входит также и огнестрельный бой. Ну и уже сами категории подразделяются на различные техники. Например, Кояма используют «огненную технику рукопашного боя». А есть, например, «техника тени метательного оружия».

Ну а что касается кирпичей и головы, то это давний бзик Мизуки, младшей сестры Шины. Дело в том, что Шина исполняла этот фокус еще в одиннадцатилетнем возрасте. И когда Мизуки удочерили, это было первое, что новая сестра ей показала. Неудивительно, что маленькая десятилетняя Мизуки поразила до глубины души. Правда, повторить подобное она смогла только сейчас, спустя шесть лет, что неудивительно, ведь Шину начали обучать в пять лет, а Мизуки в десять. Плюс я нередко слышал, что старшую сестру Кояма называют гением. Так что все закономерно.

– Мизуки, я, конечно, рад за тебя, но ты не думаешь, что твое поведение не пристало девушке? К тому же вести себя как маленький ребенок в свои шестнадцать... Это, знаешь ли, наводит на определенные мысли.

– Это какие такие мысли?!

– Ну... – «Что ты дурочка неполноценная». – Эмм... Ну а вот об этом ты сама подумай.

– Подумай, подумай, – скривилась она. – Да плевать на это, ты ведь не посторонний, почти член семьи, уж с тобой я могу вести себя как угодно.

Вот, блин, счастье-то какое!

На пороге соседней комнаты появилась Кояма Кагами – мать семейства, умница, красавица и просто изумительная женщина.

– Ребята, мыть руки, и за стол.

– Уже бегу, мам. – И, отцепившись от моей шеи, Мизуки ускакала в глубь дома.

– Как скажете, Кагами-сан, – ответил я, поклонившись в знак приветствия. – Выглядите, как всегда, прекрасно. – Комплимент женщине никогда не лишний: и мне не трудно, и ей приятно.

– Ох, Синдзи, ловелас ты малолетний, беги уж быстрее руки мыть.

Зайдя в гостиную, я усмехнулся: в токономе, нише внутри стены дома, где обычно стоял телевизор, сегодня находился горшок с японской пальмой, она же цикас, а на центральной стене висел черно-белый рисунок с изображением каких-то дядек и листьев той же пальмы. Если кто не знает, герб школы Дакисюро – именно пальма, точнее, листья пальмы. Которые, в свою очередь, являются символом победителей.

Где-то минут через десять, когда первый голод был утолен, Кояма Кента – крепкий еще шестидесятидевятилетний мужчина, дед Шины и глава семьи, начал наконец разговор,

ради которого меня сегодня и пригласили.

– Синдзи, ты уже решил насчет старшей школы? – Старик Кента смотрел на меня внимательно и строго, всем видом показывая, что вопрос более чем серьезный.

В принципе, я уже давно определился с тем, что пойду в старшую школу, для легализации это необходимо. Но уж точно не туда, куда ходит Шина. Однако говорить об этом родным Шины мне было как-то неловко. И вот тут я совершил ошибку. Можно было найти десяток причин, почему я хочу идти в другую школу, я же выбрал самый дебильный ответ:

– Да, решил. Я много думал и решил закончить обучение на средней школе.

– И по какой причине, позволь узнать? – на лице дедка мелькнула улыбка. – Ты ведь прекрасно знаешь, что дальнейшее обучение очень важно.

– Все как всегда, Кента-сан, все как везде, у меня просто нет денег, чтобы оплачивать школу. – С деньгами у меня сейчас все несколько иначе, но старик знать об этом не может, а значит, и подловить меня на этом тоже не может. – Так что я решил, что лучше мне пойти работать.

– Что ж, в таком случае все решено. Готовься к поступлению в старшую школу Дакисюро, Синдзи.

– Че?

– Если проблема только в деньгах, а проблема только в этом, насколько я понял, то можешь не беспокоиться, день-

ги найдутся, – улыбнулся дед.

Так, понятно. Вот в чем дело. Оказывается, что все их телодвижения были из-за банальной жалости! Нет, я парень не очень гордый, во всяком случае, когда у меня были трудные деньки, я проглатывал свою гордость и принимал чересчур частые приглашения на обед или ужин. И когда Кагами-сан приносила разные вкусные блюда, якобы для того, чтобы дитё не питалось одной лапшой, я улыбался и благодарил. Но всему есть предел. И даже моя гордость порой начинает бунтовать.

– Кента-сан, я вам очень благодарен за ваше участие, но нет. Я не могу принять вашу помощь. – Мне стоило определенных усилий, чтобы не взорваться и не натворить глупостей. – Я... не нуждаюсь... в общем, нет. Спасибо, конечно, но нет.

Очень хотелось что-нибудь сделать, сказать что-нибудь злобное, надерзить, выдать парочку сарказмов или, к примеру, бросить палочки для еды на стол и молча уйти – в общем, хоть как-нибудь выразить свое отношение к данной ситуации. Сложность была еще и в том, что в прошлой жизни я не привык скрывать свои чувства. Нет, я умею их контролировать и скрыть их, если надо, тоже умею, все же чему-то меня обучали. Но при этом я оставался Разрушителем, а не каким-нибудь шпионом, и главной моей специализацией была сила, а после определенного этапа моего развития – сила немалая. У меня просто не было причин скрывать свои эмо-

ции, ибо я чувствовал за собой силу.

Для многих, учитывая мой характер, я был весьма неприятным человеком, но даже мое начальство с этим мирилось, потому что понимало: люди моего уровня – профессионалы, они знают, что такое субординация, и они не предают. Даже после встречи с моей будущей женой ничего не изменилось. Светик полюбила меня таким, какой я есть, а ситуация, в которую я попал после нашей женитьбы, вылилась в банальную войну против всех, но никак не в шпионские игры. Так что успокоиться мне стоило определенных усилий, даже не успокоиться, а просто ничего не делать. Ведь злость, по сути своей, была не так уж и сильна, ее я быстро задавил, а вот вредность моя требовала выхода.

К счастью или несчастью, но сделать я ничего не успел, ибо тут и началось самое интересное. Старик Кента сдаваться явно не собирался. Пауза после моих слов была не очень большой, всего пару секунд.

– Хм, Синдзи... – Дед был спокоен как удав, складывалось впечатление, что он заранее продумал весь разговор. – Я ведь и не говорил, что это мы будем оплачивать твое обучение. Его будут оплачивать твои родители.

Тут необходимо кое-что объяснить. Дело в том, что я живу один. И мои родители не уехали на заработки в другой город или там за границу, они не погибли в автокатастрофе, они не сидят в тюрьме. Ничего такого, отнюдь. Они бросили меня, когда мне было десять. В этот мир, к слову, я попал,

когда Синдзи, парню, в теле которого я нахожусь, было восемь.

Проснувшись поутру и не найдя родителей, я и думать не думал о том, что меня бросили. Да чего уж там, я и через два дня о таком не догадывался. Все тянул и не шел к соседям, решил: мало ли. Если бы с ними что случилось, ко мне бы пришли из полиции там или из социальной службы. Ну в самом деле, как быстро бы вы подняли кипеш? Но двое суток, когда у вас десятилетний сын один дома, — это слишком. Поэтому на третий день, убедившись поутру, что дома никого, я собрался идти к соседям.

Надев куртку, я нашел во внутреннем кармане письмо, в котором мои, с позволения сказать, родители написали, что уезжают за границу и чтобы я шел к соседям Кояма, которые мне помогут. И так мне стало обидно, не за себя, нет, за парня, в теле которого я оказался. Я даже не понял поначалу, что прочитал. У меня в голове не укладывалось, как такое возможно. Умом я понимал, что на свете много грязи, да что там говорить, в своей прошлой жизни, в другом мире, я не раз сталкивался с различным дерьмом и каждый раз ох... офигевал. Но у меня просто в голове не укладывается, как такое происходит. Я не могу понять, как *они* смогли бросить *своего* ребенка одного в доме, ребенка, которому всего *десять* лет? Я уж не говорю про письмо, которое они запихнули во внутренний карман куртки. Нет, ну что за дебилизм? Что им стоило кинуть письмо на столик в гостиной? Я как... эх, уже

бывший отец, совершенно не понимал, что творилось в их головах.

В общем, жара. После прочтения письма я задумался, что делать. С одной стороны, надо идти к соседям и рассказать им о том, что случилось. Ибо мне, по большому счету, плевать, где жить: с так называемыми родителями или где-то у родственников. С другой стороны, вся моя прошлая жизнь, ну или большая ее часть, прошла под девизом: не выделяйся. Все должно быть как обычно, как у всех, нельзя обращать на себя внимание. Ведь когда что-то идет не так и на тебя обращают внимание, тут же начинаются проблемы. Так было, когда я работал на правительство, так же было и после, особенно после. Конечно, не всякая необычность приносит проблемы, и в моем случае скорее всего ничего плохого не произойдет, только есть одно *но*. Я не из этого мира. Вспоминая Вестника и его слова про измерения и про населяющие их существа, не лучше ли перестраховаться? За те два года, что я здесь прожил, я ничего не слышал ни об измерениях, ни об их обитателях. А если верить Вестнику, они есть, а не верить ему у меня повода пока не было. Значит, эти неизвестные существа скрываются, ну, или их скрывают и информацию о них и измерениях скрывают. И вполне реально, что местное правительство что-то знает и имеет способы определять, скажем так, чужаков. И что они с ними делают, черт знает. А ведь мне всего десять было, я вообще никак защититься не мог.

В Японии сироту отдают в приют, только если у него совсем нет родственников, ну или если все родственники от него отказались, что, собственно говоря, не принято. Но вначале мной все равно будет заниматься правительство, пусть недолго, пусть всего лишь социальные службы, но будут. А параноиком я стал уже давно. Кстати, о своих родственниках я никогда не слышал. Что странно, уж за два-то года про какую-нибудь бабушку или деда я должен был узнать. В общем, ладно, все эти рассуждения были немного натянутыми, немного бредовыми и параноидальными, но зерно истины в них имелось. К тому же не последнюю роль в моих рассуждениях сыграло то, что в одиночку у меня будет больше свободы. Да и скрывать мне придется гораздо меньше.

Так что я решил соврать и замутить нехилую аферу. Я сказал всем своим соседям, что родители уехали за границу на заработки, а деньги на жизнь будут мне присылать. Да, не бог весть что, но такое случается, все в пределах нормы. Единственный косяк был с моим возрастом, но, к счастью, прокатило, хоть все и были возмущены таким безответственным поведением родителей. Позже я часто спрашивал себя, правильно ли поступил, и каждый раз находил и плюсы, и минусы такого решения. И со временем количество и тех и других только росло. Но вот сделать я уже ничего не мог, ибо брошенный ребенок – это одно, а выживающий десятилетний мальчик – совсем другое.

И вот теперь старик Кента, который знать не знает о моей

ситуации, говорит, что оплачивать мое обучение будут родители. И это, похоже, шах моему королю. Ведь получается что?

Во-первых, старикашка может быть в курсе моей реальной ситуации. И я даже не предполагаю, во что все это выльется и чего мне теперь ожидать. А главное, какого черта он все это время молчал? Вопрос, кстати, интересный. Не тот человек Кояма Кента, чтобы молча смотреть на брошенного десятилетнего мальчишку. При любом раскладе. Даже, к примеру, если бы родители, уезжая, предупредили его обо мне. Даже если бы я после этого обманул всех, сказав, что они меня не бросали и будут высылать мне деньги. Даже тогда он бы не стал делать вид, что все нормально, и вести себя как обычно. Уж как-нибудь, но он бы обозначил свое знание. Значит, тогда он не знал. А со временем узнать об этом становилось все сложнее. Вот начать что-то подозревать он мог, мозгов у этой семейки хватает. Но подозрения к делу не пришьешь. А теперь, спустя шесть лет, после всей моей работы по затиранию хвостов, узнать правду можно, только спросив у меня прямо. Либо, вот как сейчас, сбивая с толку и провоцируя, постепенно собирать информацию. Но послать старика куда подальше я не могу.

Во-вторых, Кояма Кента может и не знать ничего. Вполне возможно, что это была импровизация. Для него сейчас важно, чтобы я согласился. И отмазаться легко: мол, я хотел как лучше. Или вообще сыграть в дурачка, заявив, что я что-

то не так понял, а чтоб разобраться, предложить позвонить моим родителям... Короче, куда ни кинь, всюду клин. Но мы еще побарахтаемся, соображалка и у меня присутствует...

– Синдзи, мы не можем, да и не хотим лезть в твои личные дела, – взял слово Кояма Акено, отец Шины. – Но ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что продолжение учебы необходимо, без этого тебе будет гораздо сложнее устроиться в жизни.

И вот попробуй пойми, к чему именно он это сказал.

– Син-тян, ты для нас не просто соседский мальчишка, ты почти родственник, – проникновенно начала мать семейства. – Мы желаем тебе только добра и никогда не посоветуем тебе что-либо плохое. А школа Дакисюро – отличный вариант.

Все, шах и мат. После того как в дело вступила Кагами, отказаться мне очень сложно, по крайней мере беспричинно. Тем более до этого старик всего одной фразой загнал меня в угол. А обижать эту семью мне очень не хотелось. Ну, привязался я к ним, привязался. Осталось только сгладить углы насчет моих родителей и согласиться.

– М-да, не думал я, что отец позвонит вам, после того как мы с ним... разошлись во мнениях. Знал, кому звонить. Скажите только, почему Дакисюро. – Я, конечно, и так знаю почему, но хотелось услышать их версию. – Ведь, насколько я слышал, попасть туда непросто.

– Ну, начнем с того, что эта школа ближе всего к нам, там

отличное обучение, очень хорошие учителя, которые разбираются не только в своем предмете, но и в жизни и, если что, помогут тебе с проблемами или дадут нужный совет. – Вот это вряд ли. Вы, Кента-сан, даже не подозреваете, какие у меня могут быть проблемы. – Там множество различных клубов, и ты наверняка найдешь себе занятие по вкусу. Ну а в конце обучения школа выдает рекомендации и помогает устроиться в институт, куда никак иначе ты бы попасть не смог. В целом это очень хорошая школа, окончание которой сильно поможет тебе в дальнейшей жизни. Ах да, забыл сказать: в Дакисюро учится множество детей влиятельных родителей, и знакомство, а то и дружба с ними помогут тебе приобрести нужные связи.

Хм, а вот об этом я слышу впервые. Связи – это, конечно, хорошо, но вот учиться с избалованными детишками как-то не айс. Впрочем, переживу. Зато о том, что в той же школе учится Шина, а Мизуки поступит в этом году, я не услышал. Ну и ладно, выбора-то они мне все равно не оставили.

– Хорошо, Кента-сан, Акено-сан, Кагами-сан, вы меня убедили. – Кстати, можно поставить их в неловкое положение, чтобы впредь не лезли в мои дела. – Сегодня же позволю отцу, пусть высылает деньги.

– Эм... хм... – промямлил Кента. – Синдзи, знаешь, лучше ты ему не говори про нас. Видишь ли, твой отец просил не упоминать его в нашем разговоре, и, если ты меня выдашь, я буду выглядеть не лучшим образом.

Что ж, мне тоже выделяться не с руки, так что спустим все на тормозах.

– Раз вы просите, Кента-сан, тогда ладно. Скажу, что Шина-тян меня переубедила.

– Что? – вскинулась Шина.

– Шина, – вроде и негромко сказала Кагами, но таким голосом, что и я бы утомился, не то что родная дочь. Мне за это потом, конечно, попадет, но это потом, зато сейчас весело на нее глядеть.

– Ну, раз все решено, давайте закончим с делами и отдадим должное стряпне Кагами-тян, – сказал старик Кента и с улыбкой до ушей взял палочками креветку в кляре.

Итак, что мы имеем? Кояма жалеют бедного мальчика и хотят ему помочь. Скорей даже не жалеют, а просто желают добра. Мой вечный уход от темы Дакисюро убедил их в том, что я вообще не хочу или не могу пойти в старшую школу. Что и вызвало этот разговор. А вот пассаж в сторону родителей доказывает их подозрения на мой счет. Маловероятно, что все происходящее было импровизацией, уж больно глупо это было бы и нелогично.

Станный у нас вышел разговор, странный и опасный. Да и ситуация до конца непонятна. Ох, чувствую, аукнется мне все это в будущем.

Вот так и получилось, что в первый день учебного года я топал по дороге в старшую школу Дакисюро, а не в какую-нибудь другую. А все из-за своего тупизма. Эх, а ведь в прошлой жизни была возможность расширить кругозор. Хотя бы на лекции по психологии походить. Но нет, я ведь Разрушитель, мне все это не нужно, моя работа – убивать и крушить, а не разговоры разговаривать. Вот теперь и расплачиваюсь. Самое обидное – понимание того, что мне все эти «лишние» знания пригодились бы даже в том случае, если бы меня никуда не выкидывало. Вот правда, вроде не дурак, а так по жизни тупил, что сейчас выть хочется. Тридцать восемь лет прожил, а ума не нажил.

Ладно, черт с ним, с самобичеванием, Дакисюро-то, оказывается, элитная школа, а значит, и перспективы у меня замечательные. Все-таки попасть в одну из подобных школ мне не светило, тут денег и отличных оценок недостаточно, еще и связи нужны. Которые у Кояма, оказывается, есть. Ну а гиперактивных сестричек как-нибудь переживу.

Кстати, интересно, где Мизуки? Если еще и эта безбашенная особа появится, то поход в школу станет совсем некомфортным. Об этом я и поинтересовался, догнав идущую впереди Шину.

– Так она вперед убежала.

– Она что, опять бегать будет? – удивился я. – Нет, ну ладно в средней школе, там и расстояние приличное было, хоть какая-то тренировка. Но Дакисюро! Тут бега – пять минут. Вспотеет только зазря.

– Девушки не потеют, – отрезала Шина. – Не в семье Кояма, по крайней мере, – уточнила она.

Мне ужасно захотелось сострить по поводу потеющих девушек, но я сдержался. Могла и обидеться. Ведь обидеть совсем не то что разозлить, ну, или там смутить, особенно близких, хоть и раздражающих порой людей. С Шиной в этом отношении легче, она вообще-то чаще всего не обидчива, хотя ее легко разозлить, смутить, рассмешить, удивить и даже испугать. А вот различные подколы по поводу внешности она не переносит, что, по-моему, странно, ведь как раз с внешностью у нее все очень даже неплохо, от иссиня-черных волос и до пальчиков ног. Ну, ее закидоны – я просто стараюсь не касаться этой темы. Особенно сейчас, когда нахожусь в непосредственной близости от ее рук, да и ног, к слову.

Дорога до школы в общей сложности заняла минут пятнадцать. Уже подходя к школе, я сумел заценить местных девчонок. Они все, как на подбор, оказались весьма милыми, а многие так и вовсе красотками. Что, согласитесь, странно. Такое впечатление, что я в молодежный сериал попал. Впрочем, я, конечно, могу и ошибаться, все-таки толпа школьников была немалая, все в движении, да и я на них

старался не паясничать. Но то, что я увидел, создавало именно такую картину. Хотя главное не это, вкусы-то у всех разные. Больше всего меня удивило поголовное спортивное телосложение, и не только у девушек. И многие занимались рукопашным боем, что заметно по характерной походке. Это что же получается? Целая школа спортсменов и рукопашников? А я думал, что здесь должны учиться мажоры. Ох, что-то у меня плохие предчувствия.

У самых школьных ворот Шина меня остановила:

– Ну-ка, иди сюда.

– Извините, девушка, но мое сердце отдано другой.

– Да хоть другому! Ты, главное, стой спокойно.

Критически осмотрев меня, начала поправлять воротник. Затянула галстук – непременный атрибут школьной формы, стряхнула что-то с рукава. Вновь осмотрела меня, но явно осталась недовольна.

– Может, хватит уже! Что тебе еще не нравится? – по моему скромному мнению, выглядел я как минимум нормально. Новая, с иголки, форма на всякий случай отутюжена вчера вечером, хотя обычно я на это не обращаю внимания. Ботинки начищены. Даже портфель – и тот новый! Что ей еще-то нужно?

Хотя раздражения у меня ее метания не вызывали. Ее идея фикс по поводу моей одежды порой сильно доставала. Шина искренне считала, что я одеваюсь слишком однообразно и совершенно безвкусно. Но сейчас почему-то ее метания

вызывали лишь улыбку.

– Увянь. Форма нашей школы тебе на удивление идет, но чего-то все равно не хватает. Тебе подошел бы немного другой галстук, да и цвет рубашки желательно потемней.

– Ох, вот только не начинай. Это ж официальная форма. Даже если ты права, изменить ничего нельзя.

– Это да, – тяжело вздохнула она, – но все равно очень хочется.

Я с содроганием вспомнил наши походы по магазинам, от которых косил, как только мог. Но, учитывая частоту попыток Шины меня туда затащить, время от времени уделять внимание шопингу приходится.

На самом деле в семье Кояма абсолютно все считают, что у меня что-нибудь не так. Шине, например, не нравится, как я одеваюсь. У нее с внешним видом вообще свои разборки, ну да я об этом, кажется, говорил. Ее мать уверена, что я питаюсь слишком убого – одной лишь лапшой. И поэтому она все время впаривает мне рецепты различных блюд в лучшем случае. В худшем – лично проводит со мной мастер-класс по готовке. Так что благодаря Кагами-сан я весьма подкован в поварском искусстве. А Мизуки, смех и грех, повернута на чистоте. Представляете? Эта безбашенная девчонка с ядерным реактором в одном месте – фанатик чистоты и порядка! Когда она забегает ко мне, чтобы вытащить на очередную тренировку или спарринг-избиение, первым делом она обегает весь дом, комментируя, в какой помойке

я живу, параллельно, по-видимому, составляя план уборки. Потому что после тренировки возвращается вместе со мной домой и принимается наводить порядок. Я уже давно бросил затею утихомирить ее, меня не трогает и ладно.

Их отец, Акено-сан, с маниакальным упорством пытается привить мне любовь к боевым искусствам и является моим главным источником знаний по этой теме. Ибо в своем стремлении всегда отвечает на мои вопросы, которые появляются даже сейчас, спустя шесть лет, с того времени, как я очутился в этом мире. Все ничего, но вот его стремление показать мне все величие боевых искусств и стиля, практикуемого семьей Кояма, в частности, иногда приводит к спаррингу с его дочерьми. Точнее, меня ставят в пару к ним в качестве манекена, на котором отрабатывают удары. И как я жив до сих пор? А вот старик Кента – самый безобидный из них. Он уверен, что парень, живущий один без родителей, просто обязан знать законы страны. И уголовные, и административные, и вообще все. Что выражается в непродолжительных лекциях на эту тему и втюхивании мне различных книг.

– Знаешь, мне все чаще кажется, что ты являешься неким парадоксом. Со стороны ты кажешься человеком, которому подойдет все что угодно. Но как только начинаешь подбирать тебе одежду, выясняется, что все совсем наоборот и, что бы я ни подбирала, тебе все время чего-то не хватает.

– А мне кажется, что ты немного двинулась на этой теме.
В ответ на мои слова Шина нахмурилась и очень-очень

недобро на меня посмотрела.

– Впрочем, согласись, все это окажется не важно, если мы опоздаем на вступительную церемонию.

Молчание.

– Может, замнем и пойдем уже? Да и вредно девушкам хмуриться, от этого морщины появляются. – Ох, мать, это я сейчас сглупил.

Отвлекающий в печень и последующий удар ногой в голень ясно показала мою правоту.

– У женщин Кояма не бывает морщин, а мужчины, которым они привиделись, очень быстро об этом жалеют, – очень веско сказала эта чертовка.

– Уже, уже жалею! – Ну а что мне еще оставалось? Не затевать же мне с ней баталию?

– Что-о-о?! – протянула Шина.

...Ой, чуть не матюгнулся. Впрочем, если ты в течение двадцати секунд совершаешь два таких косяка, значит, ты точно тот самый человек на букву «м», который на «к» заканчивается.

– Что значит «уже»?! Что значит «жалеешь»?! То есть ты что, морщины у меня увидел?!

– Слушай, ты, главное, не заводишь. Успокойся, – медленно отступая, начал я. – Ну да, сглупил, ляпнул, не подумав. Но я ведь не хотел тебя оскорбить или тем паче обидеть. – Черт, черт, черт. Ладно, пускаем в ход артиллерию. – И вообще, такая кавальная девчонка, как ты, не должна обращать

внимания на слова такого, как я.

Фух, вроде начала успокаиваться.

– Может, ты и прав. Да нет, ты точно прав. Не должна!

Хрясь, хрясь. Твою же... Больно-то как. Двойку в печень и грудь она пробила с полуулыбкой, от которой мне даже как-то не по себе стало. Надо бы с ее отцом поговорить. А то прибьет еще кого насмерть.

– И зачем так делать, если согласилась? – спросил я осторожно.

– Чтобы думал впредь, о чем говоришь. И обо мне. И о себе.

Ась? Чего это она?

– Шина-тян! Привет, подружка! – на мою соседку налетела очаровательная особа, ее однокурсница, если судить по цвету галстука в виде банта – обязательного элемента женской школьной формы. – Что, с первого дня терроризируешь новичков?

– Не терроризирую, а воспитываю. Кстати, познакомься, мой сосед – Сакурай Синдзи. А это моя подруга – Минэ Кино.

– Мм? Ну здравствуй, Сакурай Синдзи, – протянула та. – Сосед и друг детства, как я понимаю? Прямо как в манге. И пословица в тему. Ну, знаете, про то, что бьет, значит любит?

– Кино! Я, знаешь ли, и тебя люблю. – Ни смущения, ни раздражения. Похоже, это их обычные подколки друг дру-

га.

– Ах, Шина-тян, я тоже люблю тебя! И в отличие от этого доходяги я достойна быть рядом с тобой!

Однако лично для меня Минэ Кино потеряла нехилую часть своего очарования. Потому что Шину она подкалывала, а вот шутила надо мной. Над совершенно незнакомым ей человеком.

– Приветствую, Минэ-сан. И хочу сказать, что восхищаюсь вашей храбростью, но все же советую бежать из страны. Может, там отец Шины и не найдет вас.

– Что?

– А?

– Да-да, не удивляйтесь, он такой. Никогда не позволит своей дочери выйти замуж, ну или там жениться на женщине. И не обращайтесь внимания на то, что Шина иногда поколачивает меня, пословицы не всегда верны, – сказал я, серьезно глядя Кино в глаза. После чего, согнав с лица серьезное выражение, как бы между делом дополнил: – Хотя лично у меня однополые связи вызывают тошноту.

Не знаю, как эта стерва Минэ, а вот Шина дурой не была. И судя по расстоянию, на которое я успел отойти от них, способов убийства эта парочка придумала немало. Впрочем, я всячески старался показать, что обращаюсь только к Минэ, так что, надеюсь, Шина не станет меня убивать прямо сейчас. А позже сама успокоится. Ну а на ее подружку мне вообще с высокой колокольни, как говорится.

Когда я отошел метров на десять, девушки очнулись и догнали меня.

– Эй, сосед, а ты палку-то не перегибаешь? – спросила Минэ.

– Эх, отдубасить бы тебя, Синдзи, чтоб за языком следил, – вздохнула Шина.

– Видите ли, Минэ-сан, у каждого своя правда. Я не знаю вас, вы не знаете меня, и, с моей точки зрения, все было как надо. Как с вашей стороны, я догадываюсь. – Намек на ухмылку. – Но если бы за языком следили вы, то и вопросов бы таких не было. Я всем ответил? Никого не забыл? Ну и отлично.

И, стараясь не обращать на этих двух красоток внимания, направился к школьному стенду, где висело распределение по классам.

Пока шел к информационной доске, у которой собралась нехилая толпа, меня догнали девчонки. Шли они, как ни странно, молча. Видимо, обсудив данную ситуацию, решили замять это дело или отложить на потом.

Стенд был достаточно большой, так что мне не пришлось продираться сквозь толпу поближе. Найдя свое имя в колонке «1-D», задумался: идти ли в свой класс сейчас или подождать Шину и пойти с ней. Решил не ждать. В конце концов, что я здесь и сейчас могу интересного увидеть?

– Глянь, Шина-тян, в этом году мы опять будем в одном классе с этими двумя придурками.

– Да не такие уж они и придурки. Ты лучше обрати внимание: состав класса почти не изменился. Так, пара новых имен – и все.

– И правда. Может, у нас все так хорошо, что решили не тасовать?

– Ну, может, и так.

– Шина, – прервал я их, – я пойду, вечером увидимся, если что.

– Подожди, – остановила она меня. – Все время забываю сказать тебе кое-что.

Подойдя вплотную ко мне и нацепив на лицо строгую мину, начала пояснять:

– Запомни и заруби себе на носу. Это не обычная школа, в которой ты учился раньше, а Дакисюро. Большинство здешних учеников (процентов восемьдесят) занимаются боевыми искусствами, а остальные так или иначе с ними связаны, чаще всего через родственников. В принципе, у нас нет дедовщины, как в большинстве других школ, но это лишь потому, что здесь слишком много бойцов, и, пока не получишь по кумполу, не узнаешь, кто сильнее. Прибавь к этому, что практически у всех учеников могущественные родственники, и тех, кто не может защитить себя сам, защитят они. Ты же исключение из правил. Ты не занимаешься боевыми искусствами, и у тебя нет могущественной родни. Ты совершенно беззащитен, и обязательно найдется кто-нибудь, кто решит пощипать твой перышки. – Краем глаза я заме-

тил, как Минэ приподняла бровь. — Поэтому запомни: если ситуация повернется так, что ты не сможешь избежать драки, сразу ссылайся на меня, напomini этим придуркам, кто твои соседи и что с ними будет, если они не отвалят. Ты меня понял? Знаю, ты не дурак и во многих ситуациях сможешь отбрехаться, но если что — не стесняйся и грози мною. — Лицо Минэ сейчас было очень ехидное и немного презрительное. — Ах да, еще одно. Зная твой характер, предупреждаю: если ссору спровоцируешь ты, то даже твое избиение не спасет тебя от меня, лучше сразу уезжай за границу, может, там я тебя не найду, хотя вряд ли. Все понятно? Все запомнил?

Глубокий вдох, медленный выдох. Спокойствие, Макс, только спокойствие. Она не специально. Она просто не понимает, как сильно меня сейчас гнобит. Может, она считает, что чем больше народу ее сейчас услышит, тем меньше ко мне будут приставать? Хотя какая разница, она сейчас опустила мою репутацию ниже плинтуса. А учитывая то, что у меня как у новичка ее и так не было... Уж не знаю, будут ли меня пытаться поколотить, но вот издеваться начнут со страшной силой. Технически мне плевать. Мне тут всего три года отсидеть, а потом свобода. Но есть несколько моментов. Ни одной особи мужского пола не понравится, если красивая девушка в глаза и прилюдно назовет его слабаком и пообещает защищать от плохих парней. Это просто унижает наше мужское достоинство.

И это только начало. Вспомним, что в Дакисюро учится

будущая элита Японии и я вообще-то собрался в скором времени в эту элиту войти. Раз уж мне выпал шанс прожить жизнь заново, да с моими прежними знаниями и навыками, то почему бы нет? А она за пару минут если и не перечеркнула эту затею, то сильно ее усложнила. Ведь в будущем мне, по идее, предстоит общаться именно с теми, кто сейчас здесь находится. Ну и чего я теперь добьюсь, с нулевой-то репутацией?

Но даже если не заглядывать так далеко, то можно вспомнить слова ее деда, те, что про накопление связей. И как мне теперь заводить знакомства и обрести связями? Тьфу ты, вот уж подгадила так подгадила.

– Ну, что замер-то? Все понял? Ну-ка повтори.

Нормально! Она что, специально это делает?

– Школа отморозков, ни во что не ввязываться, в случае проблем вызывать суперробота-трансформера Шину, – встав по стойке «смирно», доложил я. Ох и намучаюсь я теперь, исправляя содеянное этой терминаторшей.

– Что-то ты чересчур весел, – положив руку мне на плечо, сказала Шина. – Может, мне самой сломать тебе пару костей для профилактики? Чтоб ты осознал свое положение.

– Как пожелает прекрасная госпожа, – сказал я, изобразив скорбную покорность.

– Сакурай Синдзи! Если не прекратишь дурачиться, все может обернуться очень плохо для тебя.

– Да понял я, понял. Пойду лучше в свой класс, – и под

пристальными взглядами окружающих направился к главному входу.

Школа, кстати, была основана более ста лет назад. Естественно, что она многократно перестраивалась. Последний раз это случилось двадцать три года назад, спасибо деду за бесполезную информацию, и выглядела достаточно внушительно. Четыре корпуса, пять этажей, кирпич, стекло и пластик. Сколько-то там спортивных полей, четыре басейна, множество пристроек и просто отдельных строений. Уверен, что и внутри все на уровне.

Сейчас я подходил к главному входу, находящемуся между двумя внешними выпуклыми, закругленными стенами, начиная со второго этажа – стеклянными. Сквозь стекло была видна лестничная клетка, по которой то и дело пробегали ученики.

Все классы первого курса находились на пятом этаже, видимо, чтоб молодые не расслаблялись, так что пришлось подниматься на самый верх. Найдя табличку «1-D», я вошел в класс и отметил, что треть мест уже занята, хотя до начала урока было еще далеко.

– Всем привет, народ! Что такие хмурые? Учебный год начался! Радоваться нужно! Подъем в семь утра, злобные учителя, проверки и экзамены, куча домашней работы, минимум выходных, прямо-таки рай на земле, а не школа! – Местные обитатели и вправду выглядели несколько... удрученно. Ну а так как контакты налаживать все равно нужно, то поче-

му не сейчас?

– Новые друзья, новые знания, осенний фестиваль, красивые девушки, Валентинов день, в конце концов. – Темноволосый парень с конским хвостом до плеч и непослушной челкой чуть привстал со стула, выражая свои эмоции.

– Ботаник? – весело спросил я его.

– Не, зомбированный, – скорбно ответил он мне.

Что ж, лица парней и девчонок, сидящих в классе, разгладились, кое-где даже сверкнули улыбки. А большего мне пока и не надо.

Рядом с парнем, ответившим мне, как раз было свободное место. Так почему бы его мне и не занять? Подойдя к парте и положив на нее портфель, я протянул руку не сводящему с меня глаз парню:

– Сакурай Синдзи.

– Охаяси Райдон, – ответил он на рукопожатие.

Вообще Райдон оказался занимательным парнем, веселым, неглупым и в высшей степени неунывающим субъектом. А также представителем клана Охаяси, четвертым ребенком главы клана. Сам клан специализировался на летательных аппаратах – самолеты малого и среднего тоннажа, вертолеты и даже некоторые виды роботов. И все это как в гражданской, так и в военной модификации. В частности, знаменитый «истребитель беспилотников» МПИБА-4 – разработка именно «Охаяси Машин Групп».

Кланы, а точнее, национальные кланы – элита и аристо-

кратия любой страны этого мира. Признанные главой государства организации, заключившие с ним в некотором роде соглашение, дающее кланам весьма немалые права в обмен на безоговорочную лояльность. Причем замечу, они не становятся вассалами государя, они становятся, образно говоря, верными друзьями ему. И лояльность того или иного клана обеспечивается *всеми* кланами мира. Ведь никому не хочется потерять свои права и вольности из-за одного придурка. Так что честь и репутация для кланов – это все.

Представитель одного из них сидит за соседней партой. И, что не может не радовать, высокомерия в нем не наблюдается. Нормальный парень. Здесь же, кстати, на втором курсе учится и его сестра. За полчаса, что оставались до начала урока, он успел рассказать мне немного о себе и почти о половине класса. Минут за пять до урока я спросил его:

– Слушай, откуда у тебя столько информации? Нет, я все понимаю, высший свет и все такое, тебе вроде как по должности полагается знать много народу, но не столько же. А ты в курсе дел у половины класса. Учитывая, сколько в этой школе учится народу, это как-то многовато.

– Да я сам удивляюсь. Я ж не ходячая энциклопедия, как моя сестра. Если взять всех моих знакомых сверстников, тех, кого я в лицо знаю, и запихнуть их в Дакисюро, получится примерно... четверть знакомых на каждый класс. Ну, это если равномерно их распределить. А ведь не все из них попали бы сюда. Есть и другие школы. Так что скорее всего

это случайность, – пожал он плечами, – так уж получилось.

Самого урока как такового не было. Первый день как-никак. Учитель минут пятнадцать распинался про новый учебный год, новых друзей, новые возможности, про правила школы. В общем, обычный «новогодний» учительский треп. Который его самого уже, наверное, давно достал. Под конец своей речи посоветовал нам выкинуть из головы прошедшие каникулы и с новыми силами взяться за учебу. Предупредил, что вступление в клуб обязательно, напомнил про то, что на полдвенадцатого намечена вступительная церемония, и, так как на сегодня больше ничего не запланировано, убыл в неизвестном направлении.

На первом уроке подразумевалась самостоятельная работа, а остальное время перед церемонией отводилось на ознакомление со школой для новичков и на клубную деятельность для остальных. После ухода учителя весь класс разбрелся по кучкам. Кто-то знакомился друг с другом, кто-то сел играть в карты, а кто-то банально завалился спать. Особо прошаренные даже достали учебники, чтобы отмазаться, если что.

– Ну что будем делать? – спросил Райдон.

Классный парень этот Райдон. Нравится он мне, уж не знаю чем.

– Черт его знает, – ответил я. – Может, фильм какой посмотрим? – Свой КПК я всегда ношу с собой, а в Интернете, который и в этом мире называется так же, всегда можно

найти, что посмотреть.

– Да ну его, пойдем лучше с девчонками познакомимся.

– Это с которыми?

– Вон с теми, – махнул он рукой.

– Ну прямо даже не знаю. Я же этот... – пощелкал я пальцами, – плебей. Ни родни, ни денег. О чем мне с ними говорить? – Против девушек я ничего не имел, но школьниц мне и соседских хватало. – Для таких знакомств нужно сначала обстановку промониторить, узнать, что к чему, а уж потом идти знакомиться. И это, кстати говоря, касается всех девушек, а не только богатеньких. Правда, конечно, когда есть такая возможность, вот как сейчас, например.

– Ой, да ладно тебе. Мы ведь только представимся, обозначим, так сказать, свое присутствие – и все. А для более тесного знакомства, ты прав, спешить не стоит. Насчет всего остального – забей. Что они, не люди, что ли? Девчонки где угодно девчонки, в любой социальной среде.

Хех, до чего докатился, меня учит знакомству с противоположным полом шестнадцатилетний пацан.

– Тем не менее что-то мне говорит, что конкретно эти особы пошлют нас далеко и надолго, – у меня и вправду было такое чувство.

– Ну ладно. Тогда пойдем к тем, – вновь махнул он рукой.

– Слушай, да ты прям девичий маньяк.

– И вовсе не маньяк, обычный парень, – смутился он.

– Обычные парни – вон, сидят в карты играют, а ты в пер-

вый же учебный день на школьниц бросаешься.

– Так весна же, – отбивался он, – гормоны и все такое.

– Гормоны – это да-а, – протянул я. – Гормоны – вещь вполне естественная. Ты, главное, меня ими не забрызгай.

Вот так, перебрасываясь шутками и подколками, лазая по Интернету, мы и дождались звонка об окончании урока. А выйдя из класса на перемену, я выяснил, что Шина, в своем неумном характере, сломала мой МРЗ-плеер.

* * *

– Что это у тебя? – Райдон смотрел на плеер, лежащий у меня на ладони. – Как ты его так?

– Да есть тут одна особа, любящая распускать руки, – сказал я с грустью. – Лет шесть меня колотила, но до сих пор ни разу ничего не ломала.

– Ну, все когда-нибудь бывает в первый раз, – похлопал он меня по плечу. – И что за особа?

– Кояма Шина. И пойдем уже, до церемонии осталось не так уж и много. – Просидев второй урок, мы стояли у класса, намереваясь идти в актовй зал на церемонию открытия. – Ну вот, а я так рассчитывал на плеер на церемонии.

– Кояма Шина? Ты знаком с Кояма Шиной?!

– А она такая знаменитость? Чего ты так удивляешься?

– Черт, да она считается сильнейшим подростком Японии, самый молодой Учитель за последние лет тридцать, навер-

ное! И ты вот так просто говоришь, что тебя шесть лет бьет Гений клана Кояма?!

Что? Черт. Черт, черт, черт!

– Гений клана Кояма? – переспросил я осторожно.

– А ты думал! Этот клан вообще богат на гениев. Говорят, их глава – Кояма Кента – тоже стал Учителем лет в шестнадцать. Так что общественность считает, что Кояма Шина, как и ее дед, получит Виртуоза лет в тридцать.

Чисто для справки, если кто не знает, Виртуоз – это высочайший ранг в боевых искусствах. Таких людей максимум пятьсот на те миллиарды, что живут в этом мире. И они, вы уж мне поверьте, настоящие монстры.

Впрочем, меня сейчас занимают совсем не Шина и не ее ранги и умения. Вот только обдумывать это надо в более спокойной обстановке. Дома, например.

– Мм, прикольно. Виртуоз – это круто, – ответил я задумчиво.

– Слушай, это получается, что ты шесть лет знаком с Кояма Шиной?!

Оп-па. Он что, только сейчас это понял?

– Вообще-то я знаком с ней всю свою жизнь, – вторую, по крайней мере. – Она, если что, моя соседка.

– Ты, сосед... ты... – завис парень. – Повезло же тебе, – выдохнул он.

Повезло? Он что, сейчас сказал: «Повезло»?! Я покачал головой. Вот дурак человек.

– Что это ты головой машешь?

– Ничего, пойдем лучше, а то и вправду опоздаем.

Спросив у незнакомого второкурсника дорогу в актовый зал, мы направили свои стопы на церемонию открытия.

Сама церемония была стандартным мероприятием, проводимым всеми школами. По крайней мере, в средней школе именно так я встречал каждый учебный год.

Всех учеников выстраивали по классам в актовом зале, а в менее обеспеченных школах – в спортзале, и заставляли выслушивать, иногда по несколько часов, нудные речи директора и учителей. Примерно во второй половине этого действия ученикам начинали выдавать более информативные вещи, касающиеся школы. Именно тогда я узнал про некий ежегодный турнир, который начнется не в начале второго триместра, а в конце первого. А потом выступили президент школьного совета и один из новичков этого года. Президент всех страдал, а новичок агитировал прилежно учиться. Напомнив всем, что участие в школьных клубах обязательно, президент сообщил, что после церемонии клубы будут устраивать презентации, которые он настоятельно рекомендует посетить. Наконец, подведя итог всему этому словоблудию, директор пожелал ученикам удачи в новом учебном году и, закончив церемонию, всех отпустил.

Но, по-видимому, этот день задался целью расплавить мне мозг, и данная церемония входила в его великий план. Ибо ничем иным я не могу объяснить то, что директором

этой школы оказался старик Кента. Глава клана Кояма и мой сосед.

* * *

– М-да... Слушай, Охаяси-кун, ты не в курсе, как зовут нашего директора? – спросил я.

Только что закончилась церемония открытия, и мы с Райдоном, выйдя во внутренний двор, стояли у самого выхода.

– Э-э-э... – Парень смотрел на меня удивленно-подозрительным взглядом. – Кояма Кента. Странно, что ты не знаешь этого, будучи их соседом.

– Ну да, ну да. Кояма Кента, – пробормотал я задумчиво. – Я, видишь ли, даже не подозревал, что он директор Дакисюро, так что была надежда, что он мне померещился.

– Надежда? – спросил удивленно брютет.

– А, не обращай внимания, у меня с семейством Кояма немного запутанные отношения.

– Ясно. Ты лучше скажи, что сейчас делать будешь? Домой пойдешь или еще по школе побродим?

– Да что здесь интересного-то может быть? А если что и есть, со временем все равно увидим.

– Сакурай-кун, ты не забыл что вступление в школьный клуб обязательно? А сегодня как раз представления клубов. Надо бы пройтись, присмотреться.

– Клубы... – Мое лицо скривилось. – И как я мог забыть? –

Легкое недовольство само собой появилось в голосе.

Я не был против школьных клубов, они мне были не интересны, и я их просто игнорировал. Но в Дакисуро это дело являлось обязательным и именно поэтому меня раздражало. Тем несколькими часам ежедневно, которые займет клубная деятельность, я мог бы найти более рациональное применение.

– Судя по твоему лицу, ты не горишь желанием вступить куда-либо, – хмыкнув, сказал Райдон. – Есть причины? Или просто лень?

– Понимаешь, не то чтобы я считал подобную затею бессмысленной, совсем наоборот, но у меня и без того есть чем заняться. Поэтому мне просто жаль тратить свое время на школьный клуб.

– Хм, понимаю. В таком случае тебе надо выбрать что-нибудь... – он пощелкал пальцами, – необычное. В этой школе если и не все, то очень многие клубы принимают активное участие в соревнованиях, выставках, презентациях. В Дакисуро клубам всеми силами помогают в этом. Так что тебе надо выбрать такой, у которого просто нет возможности куда-нибудь поехать и где-нибудь выступить. Что-нибудь вроде... ну, я не знаю, клуба оккультных наук.

– Да ну на фиг, неужто и такое есть?

– Да откуда же мне знать, может, и есть. Это я так, для примера. Ну, или, может, найдешь клуб, где разрешено минимальное участие. В любом случае надо смотреть.

– Ну что ж, тогда пойдем смотреть...

Прервала меня девчонка, которая, пробегая мимо, врезалась мне в плечо. От толчка ее развернуло на сто восемьдесят градусов. Остановившись, она оказалась лицом к лицу с нами. И физиономия у нее была довольно-таки удивленная. С чего бы это?

Хотя прежде всего в глаза бросается не выражение ее лица, а волосы. Зеленые волосы. Острый подбородок, курносый носик, аккуратные губки, изумрудного цвета глаза – красивая, в целом, внешность. Но эта ее зеленая непотребщина на голове, собранная в два длинных хвоста, нехило раздражает глаз и отвлекает от всего остального.

Но вот удивление на ее лице ушло, и на смену ему пришло раздражение.

– Ты что, гаденыш, совсем страх потерял – посреди дороги стоять? Тут вообще-то люди ходят.

Я поднял брови в удивлении и демонстративно огляделся. Мы с Райдоном стояли у бордюра, с правой стороны дороги.

– Прошу прощения? – переспросил я.

– Ты. Мешаешь. Мне. Пройти. Ты кто вообще такой?

Я так офигел, что даже ответил:

– Сакурай Синдзи.

– Эгей, а это не ты ли тот слабак, которому Кояма с утра лекцию читала?

Ну вот, начинается. Похоже, я становлюсь знаменитым. Что ж за день такой... длинный.

– А с кем, собственно, имею честь...

– Тебя, ничтожество, это не касается! Лучше ответь, какого ты мне ходить мешаешь?

Мм, матюгнуться-то как хочется.

– Какая воспитанная девушка. Что и неудивительно, с таким-то цветом волос.

Кажется, мне даже удалось сбить ее с толку.

– При чем здесь вообще мои волосы?

– Да так, Амстердам напомнили.

– Что? – с недоумением спросила она.

– Ничего-ничего, это я так, о своем, о девичьем. – И подтолкнув Райдона вперед, решил закончить разговор: – Ну мы пойдем, пожалуй. Всего хорошего.

Пройдя мимо нее, мы успели сделать всего пару шагов, когда зеленовласка очнулась.

– А ну стоять! Я вас еще не отпускала, – услышали мы за спиной.

Отпускала? Да кто она такая, чтобы разговаривать в таком тоне *со мной*? Резко развернувшись и почти мгновенно приблизившись к ней вплотную, я буквально прошипел ей в лицо:

– Если вы, сударыня, не понимаете вежливого языка, то скажу иначе: отвали, дрянь!

И удовлетворившись выражением удивления и замешательства на ее лице, вернулся к Райдону:

– Пойдем уже, наконец. Посмотрим на здешние клубы.

Отойдя на приличное расстояние от ошарашенной девочки, Райдон спросил:

– Сакурай-кун, мне вот интересно, какая связь между цветом ее волос и Амстердамом?

– Сам я там не был, но читал как-то, что тамошние проститутки носят парики ярко-зеленого цвета. Типа, знак профессии. – И, кстати, я не солгал. В этом мире путаны действительно носят зеленые парики. Правда, только в Амстердаме. Нет, может, и в других местах имеется такое явление, но я про это не слышал. В этом мире вообще популярна мода на неестественный цвет волос, чего я не понимаю. Хотя я, пожалуй, не так выразился, нет никакой моды. Синий, зеленый, розовый. Эти цвета так же привычны и естественны, как и натуральные русый, черный, рыжий. Не то чтобы все население этого мира ходило с разноцветными волосами, нет. Но и таких уникалов хватает.

– Хм, как ты ее. Надо бы запомнить.

Дорога, по которой мы шли, вела прямо к двум зданиям, связанным между собой переходом на уровне второго этажа. И именно там, как сказал нам пробежавший мимо трехкурсник, происходила презентация. Слева от нас стояло длинное пятиэтажное здание, а справа – более маленькое, трехэтажное. Во дворе сутились группки школьников, расставляя столы, стулья, тумбы. Таскали какие-то плакаты, устанавливали подиумы и стенды. И судя по скорости, с которой бегал народ, минут через двадцать они будут готовы

представлять свои клубы.

– Ну что, пошли внутрь? Не ждать же нам, пока они будут готовы, – предложил Райдон.

– А они разве не на улице все будут?

– Нет, ты что. Здесь самые шумные, типа музыкальных, и те, у кого представление не влезает в клубную комнату.

А суета все увеличивалась. Мимо нас пробежала девушка с бледно-розовыми волосами и охапкой каких-то рулонов. Прямо посреди дворика, рядом с кучей досок, ругались два парня, а недалеко от них на земле валялся третий, оседланный девчонкой в каком-то готическом платье, которая хлестала парня по щекам.

Первым мы посетили пятиэтажное здание с двумя выходами, с разных сторон и концов. Войдя в ближайший из них, мы увидели прямо перед собой лестницу на второй этаж, а справа – стеклянные двери, которые вели в широкий коридор, пронизывающий все здание.

Ах, весна. Лепестки сакуры, воздух, наполненный свободой и начинаниями, настроение, трепещущее в предвкушении. Вы спросите, с чего это я вдруг заговорил об этом? Все очень просто, на первой же табличке, которую мы увидели, было написано: «Клуб весеннего безумства». И это был первый клуб, который я увидел в школе Дакисюро. И хоть я не догоняю, на фига привязывать название клуба к конкретному времени года, мне было интересно, что прячется под такой табличкой.

Двери в этом здании отодвигались в сторону, так что, легко отодвинув ее, я так же легко, но гораздо быстрее закрыл ее.

— Я ничего не видел, — как можно более серьезно сказал я Райдону. — Чего и тебе совету.

Уже подходя к следующей, с надписью: «Клуб друзей», я услышал сзади звук отодвигающейся двери, а через мгновение — щелчок закрывающейся, топот приближающихся шагов и голос Райдона:

— Я тоже ничего не видел.

Все-таки у настоящих парней отношение к гомо однозначно одинаковое. Поэтому, переглянувшись, мы развернулись и пошли сразу на второй этаж.

В общей сложности на обход пяти, вру, четырех этажей корпуса мы затратили чуть больше часа. И, скажу я вам, было прикольно. В клубе робототехники умудрились принять участие в битве мелких роботов. Оба проиграли. У них тут даже клуб палеонтологии имеется с немалым набором костей динозавров. Я даже раздумывал, не пойти ли мне к лингвистам, но, посмотрев на расписание клуба, передумал. Уж больно много запланировано поездок, посещений, лекций, встреч с представителями других школ и просто собраний клуба. В общем, слишком напряженный график.

В целом, количество и разнообразие было просто огромным. Мы даже наткнулись на клуб коллекционеров бутылочных крышек, правда, чтобы туда вступить, нужно было при-

нести крышку, которой у них не было, а заниматься поисками мне было лень.

Уже уходя, так ничего и не выбрав, я предложил все же пробежаться по первому этажу, чисто для проформы. И как-то было мое удивление, когда мы наткнулись на табличку с названием: «Клуб оккультных наук».

– Ты глянь, – пихнул я Райдона. – Эта фигня все же здесь есть.

– Я правда не знал, – сказал тот удивленно. – Не думал, что тут имеется нечто подобное. Так, ляпнул от балды.

– Да не важно, – сказал я, оглянувшись. – Я на этом этаже в любом случае ни в какие клубы вступать не буду. Пойдем лучше отсюда.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы вышли из здания, был подиум, на котором какой-то клуб устраивал костюмированное представление. Хотя скорей пантомиму, ибо слов мы так и не слышали. Но в целом получалось интересно. Чуть дальше и справа была выстроена нехилая трасса для маленьких радиоуправляемых машинок, по которой шныряли как минимум штук двадцать существующих и несуществующих моделей различных автомобилей.

– Ладно, – вздохнул я, – пойдем смотреть клубы боевых искусств, ты вроде в какой-то из них хотел вступить.

– Уверен? Мы даже во дворе не все посмотрели, а ведь еще есть второе здание, – ответил парень, кивнув на него головой. – Или ты уже выбрал, куда пойдешь?

– Не, просто надоело. Время пока есть, так что и посмотрю, и выберу. Потом.

– Понятно, – протянул брюнет. – Тогда можно, если хочешь, по домам, я все равно уже давно выбрал. Осталось только прийти и записаться, но это я могу и завтра сделать.

– А что так? И куда, кстати?

– Да им сегодня не до того, у них демонстрация сегодня. В первый день никто не принимает, я у сестры спрашивал. Я хочу пойти в клуб фехтования – рукопашке меня и дома обучат. Буду расширять, так сказать, кругозор.

– Ясно все с тобой. Ну пошли тогда на выход.

Мимо нас пробежала розововолосая девчонка. С рулонами бумаги.

– Она что, все это время так и бегают туда-сюда? – усмехнулся я.

В этот момент за спиной у нас раздался громкий... писк, я бы сказал. И обернувшись, мы увидели растянувшуюся на асфальте девушку, с кучей бумажных рулонов вокруг.

«Надо бы помочь, а то ведь затопчут», – подумал я, но вот сделать ничего не успел. Чтобы собрать разлетевшиеся вещи, вскочить и убежать по своим делам, девушке потребовалось буквально две секунды. Как говорится у десантников: пятьсот один, пятьсот два – пошел!

– Ну ничего себе...

– Опыт, видимо.

Что ж, может и так. В любом случае скоротечность про-

изошедшего меня сильно впечатлила. Это было быстро, четко и смешно.

Когда мы уже почти вышли со двора, нам преградила путь небольшая толпа школьников, что, конечно, не смертельно, но немного раздражало. Те, за кем они наблюдали, находились рядом с дорогой. Это была группа школьниц с музыкальными инструментами. Барабанщик у них, кстати, по-моему, парень. Только какой-то он... женоподобный. Да что же это за школа такая, а? А девушки ничего так, впрочем, как и большинство местных.

– Послушаем? Они сейчас начнут, – спросил Райдон.

Можно и послушать, мы все равно никуда не спешим.

– А давай. Заценим тутошних красоток.

Красотки, между прочим, были в каких-то фэнтезийных костюмах. Или лучше сказать: анимешно-фэнтезийных?

Начало проигрыша я не узнал. Не то чтобы я был особым меломаном, но шанс на узнавание у меня имелся. А вот слушая самую песню, я постепенно выпадал в осадок. И дело было не в том, что пела солистка на русском, как раз это в данном мире нормально: русский здесь так же популярен, как английский или немецкий, к слову говоря. Поразил меня сам текст. Я был на сто процентов уверен, что подобная песня была в моем мире! Черт, да я даже помню имя автора стихов! Нет, слышал я, конечно, песни, похожие на те, что пели в моем мире, но вот чтобы один в один – впервые. «Стояли двое у ручья, у горного ручья...» Олег Ладыженский, если

мне память не изменяет. В моем мире, по крайней мере. Хех, впрочем, мне ли, говорить об удивительных случайностях? Удивительно то, что я вообще с подобным впервые столкнулся. Все-таки в частностях этот мир и мой прежний очень похожи.

И кстати, голосок у девочки очень даже. И акцент почти не слышен. Да и у остальных мордашки ничего. Ну кроме барабанщика. И...

– О-о-о... Я, кажется, придумал, что делать.

– Ты про клуб? Только не говори, что решил вступить в эту группу, – сказал он, посмотрев на меня. – У тебя же совсем времени не будет в музыкальном-то клубе, – и, наконец, задал вопрос, который, по идее, должен был прозвучать первым: – Ты что, умеешь на чем-то играть? Или петь?

– И то и другое. Но тогда, как ты и сказал, у меня на себя времени совсем не будет. Не-э-эт. Я кое-что другое придумал. Давай сейчас не будем об этом, – влом объяснять. – Не хочу сглазить. Но если все получится, я буду появляться там нечасто.

– Ладно, как скажешь... Но как только, так сразу.

Вот правильный Райдон парень, не лезет, не надоедает. Обозначил интерес – и все.

– Ты будешь первым, кому я все расскажу. А вообще, надо бы пробить тему насчет клубов, навести, так сказать, справки. Вдруг можно будет отмазаться как-то иначе.

– Ну это вряд ли, – покачал головой мой приятель. – Если

и есть какая-то информация о том, как отвертеться, то ученики скорее всего не в курсе. А те, кто в курсе... Мы с такими не знакомы.

– Ты просто забываешь, кто мои соседи, – хмыкнул я.

– Директор, ну да, точно. Но он может и не пойти на контакт.

– У этой семейки теперь имеется ко мне должок. Так что я еще посмотрю, как он отбрехиваться будет.

– Мм... Тебе лучше знать, – неуверенно протянул молодой аристократ.

– Ну да, ну да. Пойдем уж, наконец, выберемся на волю.

И обойдя по газону толпу школьников, перегородивших асфальтовую дорожку, мы отправились к выходу из школы.

У школьных ворот Райдон остановился.

– Тебе куда сейчас? – спросил он.

– Да вот, прямо по дороге. Я тут недалеко живу.

– Везет. А я на другом конце города. Мне в ту сторону, – махнул он рукой влево, – на автостоянку.

– Мажорик, хех? – подколот я его. – Пробки-то не мешают?

– Не напоминай. Чую, придется мне на метро добираться.

– На нашем-то метро в час пик? Сочувствую.

– Говорю же, не напоминай.

– Так снял бы квартиру поближе.

– Мм... Видишь ли, тут есть пара нюансов. Во-первых, черта с два тут чего-нибудь снимешь, район-то элитный. –

Нормально! Столько лет здесь живу и только сейчас об этом узнаю. – А во-вторых, кто меня учить и тренировать станет? Родители-то ведь дома будут. А еще нужен полигон, тренировочный зал, инвентарь, в конце концов.

Ну да, ну да. Он же из клановой аристократии. Боевые искусства – наше все. Родовая техника, секретные приемы и все такое. Да и не только боевые искусства, его как аристократа много чему учат.

– Ухм, понятно. Ну я на этот счет не заморачиваюсь. Вся эта бредятина про управление внешней энергией и великое воинское искусство не для меня. Я лучше лишний раз в Инет загляну, – ведь я немало денег зарабатываю с его помощью.

– Это ты зря, каждый мужчина дол...

– Фу, давай не будем об этом, мне Кояма и так уже весь мозг вынесли.

– Как знаешь. Но даже один раз неумение постоять за себя может поломать тебе всю жизнь.

– А кто сказал, что я не могу постоять за себя? – ухмыльнулся я.

– Э-э-э... Мм... – Уверен, он много чего мог привести в ответ, ведь боевые искусства в этом мире неразрывно связаны с энергией бахир – внешней энергией (если полностью, то бахиранга-шакти – внешняя энергия Господа), но воспитание не дало. Аристократия. – Что ж, тебе и вправду лучше знать. Ладно, пойду я. А то мне до дому еще добираться и добираться.

Распроставшись, мы направились каждый в свою сторону.

Забавно, по идее, сегодня ничего такого не случилось, фактически весь день мы ничем не занимались. Но при этом я успел узнать столько нового и жизненно для меня важного, что голова буквально пухнет от мыслей. Мне просто необходимо присесть, расслабиться и обдумать полученную сегодня информацию. Так что быстрее к себе. До дому, до хаты. Перекусить, приготовить чай... Сделать крюк по пути к дому и купить чего-нибудь к чаю, а затем в спокойствии обдумать, что же мне теперь со всем этим делать.

И откинув лишние мысли, а нелишние задвинув подальше, я пошел домой.

Глава 2

«Дом, милый дом, – думал я, закрывая за собой дверь. – Такой родной, такой уютный». И пусть это всего лишь двухэтажная коробка, другого такого для меня все равно нет. Сняв ботинки, я прошел на кухню, где и оставил пакет с едой, купленный в магазине по дороге из школы. Зашел в гостиную, кинул ключи на журнальный столик и поднялся в свою комнату положить школьную сумку. Спустившись на первый этаж, задумался: сразу приготовить ужин или сначала работа? Хотя какая, к черту, работа, все давным-давно создано и налажено, и на данный момент мне остается только наблюдение, или, лучше сказать, контроль. Я ведь – всемогущий начальник, и не фигни какой-нибудь, а Шидот-эмору. Известной в определенных кругах на весь мир. Владелец и создатель популярнейшей поисковой системы и первой в своем роде социальной сети. Слизанных в свое время с Гугла и Твиттера. Впрочем, это самые известные, но не единственные продукты компании. Главной трудностью было остаться неизвестным для общественности и не потерять при этом контроль. Никто ведь не забыл, что я несовершеннолетний? И без вмешательства со стороны взрослого человека проверить подобное было бы затруднительно. Но с этим, слава богу, мне помогла Наката Акеми, весьма неоднозначная личность как в теневой, так и в легальной жизни

империи.

В общем, решил заняться готовкой. Сейчас хоть и день, но я предпочитаю готовить заранее, пока время есть. Хотя проверить почту можно и сейчас, вдруг что важное случилось.

Минут через пятнадцать, убедившись, что ничего не горит, отправился на кухню. Разбросав по полкам и холодильнику принесенные продукты, приступил к готовке, попутно вспоминая свою первую встречу с Акеми.

* * *

А началась та история, собственно, через год после исчезновения родителей. Я тогда зарабатывал деньги единственным пришедшим мне в голову способом, а именно воровством. А так как щипач из меня никакущий, я занялся ограблением квартир. Я к тому времени уже два года, пока родители были со мной, восстанавливал свои возможности, и к моменту их ухода физические навыки более-менее пришли в норму. Именно навыки, а не возможности. То есть своих ровесников я бы раскидал, а вот со взрослыми такая тема не проканала бы. Все-таки силы в десятилетнем теле немного, зато ловкости прилично. Так что реакция, координация, скорость в какой-то мере, ну и конечно же знания и наработанные в другом мире навыки – все это внушало оптимизм на выбранной мной стезе воровства. Хотя поначалу все рав-

но было трудно. Незнание предмета пару раз чуть не вышло мне боком. Ну и, конечно, незнание теневого мира – что, где, у кого и за сколько? – убивало возможность кражи предметов, приходилось искать наличность. Со временем эта проблема разрешилась. После четырех месяцев гуляния по ночному Токио и хронического недосыпания я осторожно, по мелочи начал продавать украденные мной вещи.

Через месяц меня стали узнавать. Еще через месяц мне впервые предложили украсть конкретную вещь из конкретного дома. Еще через один меня попробовали поймать – неудачно, как вы понимаете. До сих пор не знаю, зачем и почему. Воровских гильдий в Токио, да и во всей Японии, нет, дорогу я никому перейти не успел бы, а для преступных кланов я слишком мелкая сошка. Нет, тогда я ничего не понимал в этом, и предположений было много, но даже сейчас, разбираясь в этой каше, я не могу найти ответ, зачем и кому я тогда понадобился. Я реально был никем.

Надо еще добавить, что на дело, как и на продажу краденного, я ходил в маске, купленной в одном из синтоистских храмов Токио. Изначально это была деревянная маска лисы с узкими прорезями для глаз, гладкая и овальная, раскрашенная в оранжевый и белый цвет. Но после того, как я отрезал у нее уши и покрыл ее черной краской, она стала хорошим дополнением к моей черной одежде, в которой я и показывался на людях или ходил на промысел. Ну а так как в руки я никому не давался, а общался с помощью блокнота,

кто я и как выгляжу, не знал ни один человек.

В одиннадцать лет я стал уже довольно-таки известной личностью. Наверное, не последнюю роль в этом сыграл мой рост, многие хотели узнать, кто я такой и может ли и вправду ребенок заниматься подобными вещами или я все же какой-нибудь недомерок. В общем, любопытство будоражило умы. Но в любом случае определенную репутацию к тому времени я заработал, и заказами меня не обделяли. И хоть они были достаточно простыми, а значит, и недорогими, выбирать мне не приходилось, ибо репутация, а значит более оплачиваемые заказы, из ниоткуда не появляется. Но настоящую известность и имя я получил после той самой истории.

Заказ был прост. И на первый, и на второй взгляд. Необходимо было выкрасть документы из офиса первого этажа некой мелкой фирмы на западе Токио. Пару недель я наблюдал за этой фирмой. Мониторил входы-выходы, навел справки, разузнавал о работниках и начальстве, выяснял степень защиты здания: камеры, сигнализация, замки. Целый год я не только работал, но и учился, и был уверен, что смогу обойти охрану здания и, в частности, офиса. Немного напрягало то, что красть придется не у обычных людей, а у членов одной из преступных группировок. Вполне возможно, мной хотят попользоваться и выбросить. Определить, так это или нет, было, в принципе, несложно, надо всего лишь узнать, что за документы мне необходимо выкрасть. Но выяснить это было для меня проблематично. Заказ пере-

дал посредник, а они принципиально не лезут не в свое дело и, уж конечно, не выдают заказчика. Понятно, что в теории посредник мог знать необходимые мне детали и даже мог бы назвать, кем является другая сторона. Вот только мне он все равно ничего не сказал бы: уровень у меня не тот. Ни имени, ни репутации.

Я решил рискнуть, но с оговорками. Вообще-то такое не приветствуется. Прямо скажем, за такое убивают, но я собирался заглянуть в папку с названием «Три сакуры». Заглянуть прямо в офисе и, если мне что-то не понравится, вернуть документы обратно и по-тихому исчезнуть. А посреднику сообщить, что отказываюсь от заказа. Осталось определиться, когда идти – днем или ночью. Оба варианта имели свои плюсы и минусы. Ночью в здании было пусто, не считая двух охранников, но при этом включалась вся система охраны – сигнализация на каждой двери, на каждом окне. Днем, соответственно, все наоборот: больше охранников, меньше электроники. И если бы я был старше, вопроса бы даже не стояло – с людьми мне всегда было проще. Но сейчас я был никем, и все, что у меня имелось, – это знания. Которые благодаря инструкторам, все-таки вдолбившим их в меня, не ограничивались только разрушением. И пусть я был Разрушителем, а не Тенью или хотя бы Стирателем, обойти местную систему охраны я скорей всего сумел бы. Эх, быстрее бы восстановить «отвод глаз»...

В общем, выбор пал на ночь. В три четырнадцать пополу-

ночи я стоял у двери офиса маленькой подставной фирмы.

В связи с тем, что в этом здании туча электроники, я решил попробовать найти консультанта. Недолгие и осторожные поиски привели меня к старому воришке по кличке Фантик, специализирующемуся на дорогих квартирах. Сам Фантик в своем деле уже лет пятьдесят, а попался всего однажды, как раз из-за фантика от леденца. Прикольный, в целом, старик. Вот так, с ходу, помочь он мне отказался, уламывал я его часа два. Причем само общение заняло от силы минут тридцать. Двадцать минут в начале и десять минут в конце. Остальное время я тупо простоял у него под дверью, стуча по ней ногой. Прикольный, повторюсь, старик. Я, по правде сказать, не рассчитывал, что удастся уговорить его помочь мне так быстро, думал, на это уйдет пара дней. А главное то, что Фантик действительно шарит в своем деле, и то, что он не прочь помогать мне и дальше. И почему я раньше не подыскал себе учителя?

Замок на двери в офис был с контактным идентификатором, так что проблем не доставил: разряд шокера – и путь свободен. Осторожно пройдя мимо столов с компьютерами, я подошел к двери в кабинет местного начальства. Тут уже было чуть серьезней: электронный замок фирмы R&P с бесконтактной карточкой. Для решения этой задачки у меня имелся приборчик, представляющий из себя мини-магнетрон, испускающий электромагнитные колебания узконаправленным лучом. Сам магнетрон выглядел как двенадца-

тисантиметровая трубка и мог изменять частоту и мощность. Главное, делать всю работу надо плавно, и замок не выдержит. Что и было мной доказано через пару минут.

Зайдя в кабинет и прикрыв за собой дверь, я замер.

«Что-то здесь не та...»

– Ну здравствуй, мой... хм... маленький друг. И кто же ты такой, позволь тебя спросить?

Свет включился одновременно с щелчком замка, на секунду меня ослепив. Когда же я проморгался, то увидел женщину с темно-синими, почти черными волосами, сидящую на краешке письменного стола в окружении пяти амбалов, рассредоточившихся по кабинету. М-да-а-а. Вам шах, сударь. Вам шах.

– Ну что ты стоишь, как неродной. – Я хмыкнул про себя. И где эта японка таких выражений набралась? – Присядь, сними маску, расскажи нам о жизни воровской.

О-о-о, если б только кто-нибудь знал, какие чувства во мне тогда бушевали. Вселенская обида на весь мир. Именно на мир, а не на людей в нем живущих. Гнев на себя и заказчика. Сожаление, что Кояма даже не узнают, куда я пропал. Это просто несправедливо, в конце концов. Словить исчезающе малый шанс выживания при переходе в этот мир и сдохнуть от руки каких-то мелких преступников.

Кинув перед собой рюкзак, я, присев на корточки, достал электрошокер. Женщина, с любопытством наблюдая за мной, усмехнулась:

– Славная игрушка, неплохо помогает отбиваться от зверей. Ну там, кошек, кроликов... мышей – если попадешь.

И что же мы имеем? Единственный выход из кабинета – за спиной, но, чтобы открыть дверь, мне нужно две минуты. Стекла на окнах бронебойные. Вентиляция слишком узкая, даже если бы я мог до нее добраться. И пять громил против одиннадцатилетнего ребенка. Плюсов как таковых нет.

– Пойми, малыш, сам по себе ты нам не нужен. Ответь на наши вопросы и можешь уматывать.

Какими средствами я располагаю? Перебрав в уме то, что взял с собой, делаю вывод – из своих вещей только шокер. Из предметов в кабинете, пожалуй, кочерга, прислоненная к стулу и неизвестно как сюда затесавшаяся. Но она находится за спиной одного из мужчин, у самой стены.

– Глухонемой карлик. Неслабо тебя жизнь потрепала. Или ты все-таки по другой причине молчишь?

План, план, план. Нет плана. При всех моих знаниях я сейчас не могу ничего. Победить одного взрослого мужчину я сумею, двоих – скорей всего, а вот троих – сильно сомневаюсь. Что уж говорить про пятерых тренированных бойцов – тут без вариантов. Точно нет. И убежать никак. Дверь открыть не успею, выбить ее тоже не смогу, а про бронированные окна так и вообще молчу... Мысль, пронзившая мой разум, вытеснила все остальные, растворившись в нем, и на пару мгновений сделала его полностью пустым, оставив лишь понимание. Забавное состояние. Любой человек хоть

раз в жизни испытывает его, правда, не всегда это замечает или обращает внимание. Будто бы что-то щелкает в голове, и ты понимаешь, что именно ты забыл, что именно необходимо делать. А почему бы и нет, шанс невелик, но все же.

Я показал рукой в сторону женщины, а потом указал на дверь: открывай, мол. После чего пощелкал шокером на синеволосую: типа, запятаю. Лица мужиков не изменились, а вот брови женщины стали медленно подниматься.

– Ну ни фига себе наглец. Может, мне еще извиниться, что мы здесь оказались? – с ироничной улыбочкой сказала эта леди.

Кстати, она неплохо выглядит. На первый взгляд ей лет двадцать пять – двадцать восемь, но если приглядеться, то можно добавить еще пяток. Впрочем, играем дальше.

Я чуть склонил голову, вроде как задумавшись, а через пару секунд неуверенно махнул рукой, дав понять, что и без извинений обойдусь. В ответ она только приподняла бровь и махнула в мою сторону рукой. Тут же, оторвавшись от своих мест, ко мне пошли два терминатора. Я прям даже возгордился: целых два на меня одного. Впрочем, мне же лучше.

Моя цель лежала на столе рядом с женщиной. И мне надо пройти мимо этих двоих, ну, может, мимо еще одного, если он рванет мне наперерез. А чтобы это был только один, а не все оставшиеся, нужно сместиться при беге чуть в сторону, к правой или левой стене. Ну что ж, понеслась.

Рванув с места, я поднырнул под руку ближайшего муж-

чины, попутно угостив его шокером в ногу. Сделав пару шагов, крутанулся и ушел от руки другого, сместившись ближе к правой стене. От третьего, буквально распластавшегося в воздухе в попытке сбить меня с ног и, похоже, размазать по полу, учитывая нашу разницу в комплекции, я ушел в кувырке. Выход из кувырка, два шага – и я, уже вытянувшись во весь свой небольшой рост, лечу в сторону местного босса, а точнее, ее револьвера, лежащего рядом. Уже позднее, узнав уровень ее мастерства в рукопашной, а значит, и реакцию со скоростью, я понял, что только удивление, вызванное моей наглостью и тем, что я все-таки смог миновать трех ее амбалов, не позволило ей остановить меня.

Кувыркнувшись через стол и подхватив оружие, я рванул обратно к двери. Учитывая мою комплекцию и калибр револьвера, я был уверен, что выстрелить смогу только один раз. Даже если удержу после отдачи, что вряд ли, просто не успею навести его во второй раз. И мне нужно было подойти к двери как можно ближе, потому что из-за отдачи я мог промазать по замку даже с расстояния трех метров.

Условно «третий», пролетевший в прошлый раз надо мной, на этот раз бросился мне под ноги. И пролетел уже подо мной. От «второго» ушел перекатом вперед и вправо, ну а от «первого», как и в прошлый раз, под рукой. Оставшиеся двое, решив, видимо, не создавать куча-малу, остались на своих местах. На расстоянии двух метров я навел эту чертову пушку на замок и с расстояния полутора метров вы-

стрелил. Даже не пытаясь удержать прыгнувший мне в лицо револьвер, отпустил его, убрав в сторону голову, а сам ускорился, насколько мог, и кинул все свои тридцать восемь килограммов на дверь.

И очень нехило отшиб плечо об эту проклятую всеми богами деревяшку. Которая даже и не думала открываться. Что тут скажешь? Шах и мат.

Валяясь на полу, отметил, что никто не пытается на меня наброситься. В кабинете вообще стояла пронзительная тишина, которая была нарушена хлопками.

– Мои аплодисменты, господин карлик, – услышал я голос женщины. – Это был потрясающий проход. Может, вам стоило заняться регби, а не воровством? Уверена, даже с вашей комплекцией вы достигли бы неплохих результатов.

Плечо ныло: все-таки разогнался я не слабо. Встав и картинно отряхнувшись, повернулся в сторону зрителей. Дамочка вертела в руках пульт, который не выпускала из рук с момента моего появления.

– Как ты, наверное, уже догадался, в двери стоит не один замок. Их там два. Электромагнитный и электромеханический – скрытый. Но попытка была хороша, действительно хороша. А твой обратный рывок – просто загляденье. Но теперь-то ты, я надеюсь, понял, что отсюда тебе не выбраться? Я все еще предлагаю решить дело миром. Мне лишь необходимо знать, кто ты и кто тебя послал.

«А что будет потом, она так и не сказала. Да и кто за-

казчик, я не знаю, и не факт, что она в это поверит. Еще и рассказывать, кто я такой... Я ж потом до конца дней у нее на крючке буду. Фигня, короче, ее слова. Нет уж, если помирать, так с музыкой. Фиг она от меня что узнает», – примерно такие мысли крутились у меня в голове в тот момент.

Тяжело вздохнув, я взглянул на женщину и, подняв руку, показал ей палец. Да-да, тот самый.

– Ну что ж, это твой выбор. Взять его по жесткому варианту.

М-да, а ведь у меня теперь даже шокера нет, он сейчас валяется где-то у письменного стола местной начальницы. А ведь если бы это была какая-нибудь фантастическая сказка, я бы сейчас активировал скрытые возможности и, ценой, например, будущих физических повреждений, раскидал бы всех, как щенков. Но, увы, это не сказка. Скрытая энергия есть, и я ее даже активировал, вот только прибавка в силе и скорости невелика. Ведь нельзя получить что-то из ничего. И если ты можешь поднять, к примеру, двадцать кило, а поднатужившись – тридцать, то сто пятьдесят ты не поднимешь никак. Ну а если превысишь свой порог, то и двадцать поднять не сумеешь, мышцы раньше порвутся.

Что означает «по жесткому варианту», я ощутил на себе с первых мгновений. Вместо того чтобы ловить, ближайший ко мне мужчина, единственный европеец в этой компании, нанес удар рукой. Видимо, вязать они собрались бесчувственное тело. И скорость этих броненосцев, кстати, уве-

личилась раза в два. Хук справа отбросил меня под ноги другому амбалу, и лишь каким-то чудом я умудрился увернуться от его пинка. А так как ситуация была уж очень располагающая, я, все еще лежа, чуть подправил рукой бьющую ногу, окончательно выводя противника из равновесия, и обеими ногами ударил по опорной. Сделав обратный кувырок, прыгнул вперед, перелетая распластавшееся на полу тело.

В таком примерно ключе я и провел следующие семь минут, ужом вертясь между телами, руками и ногами матерящихся сквозь зубы мужчин. Дамочка тоже не осталась безучастной. На протяжении всего времени, что меня ловили, пытаясь для этого избить, она подбадривала своих людей, попутно комментируя и давая советы:

– Да кто ж так бьет, после такого и ребенок встанет! – Что я и продемонстрировал.

– Загоняйте его на Серегу. – Да ну на фиг. Неужто земляк бывший? – Ли, так тебя, справа заходи! – Хм, китаец что ли?

– Мышь, урод, ты реально вредитель!

Этот самый Мышь в надежде приласкать меня стулом промахнулся, в результате чего стул и стекла в дверцах одного их книжных шкафов можно отправлять на помойку.

– Эй, эй, придурки, если он умрет раньше времени, я вас сама в эту стену вмурую!

Это она после того, как меня впечатал в стену бросок одного из ее мальчиков.

– Давайте, парни, поднажмите, он уже выдыхается! А, нет,

еще нет.

Хитрый проход меж трех тел, после которого двое врезались друг в друга, доказал, что я еще в игре.

– Во имя Небесных Супругов, неужто вы это сде... Мышь, ты опять!

Получив удар левой, я нарвался на пинок правой. Кое-как поднявшись с пола, облокотился на второй книжный шкаф, который стоял у меня за спиной. Именно в этот момент Мышь и запустил в меня очередной стул. Я-то увернулся, а вот стеклу в дверцах снова не повезло.

Еще минуту после этого я умудрялся избегать ударов и пинков и уворачиваться от предметов мебели. Но ничто не вечно, и очередной удар отправил-таки меня в аут.

Очнулся я прикованным наручниками к стулу, стоящему у письменного стола. У того самого стола, с которого в начале этой истории я свистнул револьвер местного босса. Дамочка сидела на своем месте, то есть на этом самом столе. Все пятеро мужчин опять рассредоточились по кабинету, совершенно не обращая на меня внимания.

– Ну что, выпался? – Чертова стерва. – Может, тогда приступим к общению?

Я огляделся. Маска лежала на столе, рядом с револьвером, между прочим. Рюкзачок мой так и валялся там, где я его оставил, то есть у двери. Мужики по-прежнему не обращали на меня внимания, занимаясь кто чем. Сергей, например, крутил в руках офигенный такой нож. Если глаза

мне не изменяют, то это «Катран-45». Ножи серии «Катран» разработаны в Туле для боевых пловцов, но прославились именно в сухопутных войсках. «Катран-45» – модификация для ВДВ и в этом мире знаковая вещь. Этот нож выдают один раз за службу и обратно уже не забирают. И если увидеть такое оружие у гражданского, с вероятностью 90 процентов это означает, что он служил в каких-нибудь спецвойсках. Вот мне и интересно, что забыл элитный боец Российской императорской армии у какой-то заштатной преступницы? Теперь-то я не удивлен тому, что меня так быстро заломали. Этот малый имеет ранг Ветерана как минимум, даже странно, что я так долго трепыхался.

– Я вот не могу понять причины твоего молчания. Даже если предположить, что ты жутко предан своему хозяину... – Она мою гордость, что ли, задеть пытается. – Что изменится, если ты скажешь мне, зачем именно пришел? – Ну например, ты можешь предположить, кто именно мой наниматель. – Ну а если твой хозяин, – блин, достала уже этим хозяином, – всего лишь посредник, то тем более у меня нет причин на него злиться. – Эмм... Слов нет! Она меня совсем за дурачка принимает? – Скажи мне цель твоего прихода и кто заказчик, и можешь быть свободен. – И все это таким проникновенным голосом, что, будь я и вправду ребенком, мог бы и разговориться. Но, увы и ах, не верю я ей, и все тут.

Нет, шанс, что меня оставят в живых, несомненно, име-

ется. Вот только кем я тогда буду? Правильно, собачкой. Или рыбкой на крючке. Можно, конечно, подождать годков этак пять или шесть, а потом, восстановив свои возможности Разрушителя, порвать тут всех. Или, к примеру, наобещать ей всякого, понарассказывать, а как появится возможность, побежать к соседям. То, что Кояма Акено, отец Шины, – Мастер, я уже знал. Но это еще более неудачный вариант. И потом оставался шанс, что меня-таки грохнут. Ко всему прочему, я очень не люблю подчиняться. А если заговорю, то подчиняться придется так или иначе.

– Молчим? Похоже, из-за своего слишком юного возраста ты не совсем понимаешь, что тебя ждет. Мы тут, кстати, были весьма поражены, когда поняли, что все это время гонялись за ребенком. Умеешь ты удивлять – это бесспорно. Но, видишь ли, то, что ты ребенок, не избавит тебя от... нашего желания получить ответы.

Отойдя от меня, она направилась к одной из картин. За ней, как я и ожидал, оказался сейф. Пощелкав замком и открыв его, она достала... шокер. Присев рядом со мной на стул, женщина заглянула мне в глаза.

– Видишь ли, электричество – очень хороший способ развязать язык, действенный и чистый. Ни тебе крови, осколков зубов, кусков плоти. У этого способа есть лишь два минуса, по моему мнению, – это провода и розетка. Порой под рукой не оказывается того или другого, ну или всего сразу. Шокер – не вариант, он сразу выводит в аут. Именно по этой

причине один мой знакомый сделал мне вот такую штуковину. – На последних словах она подкинула в руке простой прямоугольный шокер черного цвета. – Не буду вдаваться в подробности, как он действует, скажу только, что тебе станет очень нехорошо. Ты будешь все чувствовать и сознание не потеряешь.

«Хех. Мне прям так страшно, так страшно. Я от страха даже боль отключить позабыл». Кстати, отключение боли было первым, что я восстановил по прибытии в этот мир.

– Итак, для начала давай все-таки представимся. Меня зовут Наката Акеми.

Молчу. Да и что тут скажешь – век бы с тобой не встречаться.

– Малыш, ты нарываешься. Твое молчание бессмысленно хотя бы тем, что нет на свете человека, который не ломается под пытками. Такое разве что в книгах и кино можно встретить.

Ага, и в моем родном мире. Хотя я сильно сомневаюсь, что и здесь нет людей, способных отключать боль.

– Парень, не порть себе жизнь. Обещаю, если ответишь на мои вопросы, то я отпущу тебя. Подержу у себя пару дней и отпущу.

Вот тут меня и осенило. Она же просто не хочет меня пытать! Да и ее подручные, судя по всему, тоже. Они, кстати, так ни разу на меня и не взглянули. М-да, куда я попал? Судя по спецшокеру в руках у Акеми, пытать ей доводилось.

Да и мужичкам ее наверняка. Про убийства вообще молчу. А вот издеваться над ребенком они не хотят. Мне даже интересно: а убить-то они меня теперь смогут? Пока на мне была маска, я считался взрослым, хоть и карликом. Меня можно было и избивать, и убить при случае. А теперь? Что-то мне говорит, что русский не станет этого делать, хоть логически я и не смогу это обосновать. А вот насчет остальных я не знал, что и думать.

– Ну и что ты молчишь, как партизан? – Я не удержался и хмыкнул на эти слова. – Скажи хоть что-нибудь, придурок. Может, ты не веришь, что я тебя отпущу? Ну и зря. После того, что ты тут продемонстрировал, я, знаешь ли, не прочь, чтоб ты работал на меня. Такими кадрами грех разбрасываться.

Вот в это я, кстати, могу поверить. Только нужно ли оно мне? Надо уже решать, что делать. Молчать дальше становится просто-напросто опасно. Хочется не хочется, а отпустить просто так меня никто не будет. Значит, лучше дать ей повод продолжить разговор. Но не проявлять заинтересованность – это сильно урежет время общения. А если не знаешь, что делать, и есть возможность – тяни время. Так что можно повыкобениваться, главное, не сильно грубо.

– Извините, сударыня, мне, конечно, льстит ваше внимание и благосклонность, но не изволили бы вы пойти в пешее путешествие по вполне конкретным координатам?

– Это по каким таким координатам? – хмыкнула она.

– Четырнадцать градусов двадцать четыре минуты южной широты, семьдесят один градус семнадцать минут западной долготы, – с безразличной миной на лице ответил я. – Приятного путешествия.

– Парень, я сильно подозреваю, что ты сейчас послал меня очень и очень далеко.

Неожиданно для всех на столе Акеми что-то запиликало. Метнувшись туда и выругавшись вполголоса, она обратилась к своим терминаторам:

– Гости на подходе. – Пауза. То ли собиралась с мыслями, то ли оценивала разгром в кабинете. – И хоть все не совсем так, как хотелось бы, действуем по плану. Исиатама, – прикольное прозвище, – мальчика в угол кинь.

Мужик, которого она назвала Тупоголовым, схватил меня за шкурку и отволол в дальний от двери угол кабинета. И даже скованные руки не могли нарушить мое приподнятое настроение. Ибо мне опять, в который раз, неслабо повезло.

– Лежи здесь и не дергайся. Пикнешь – и я тебе язык отрежу, – грозно сказал он.

Угол шкафа и рабочий стол Акеми не давали мне толком понять, что происходит. А через несколько секунд свет был выключен, и кабинет погрузился во тьму. Повозившись, принял более удобную позу, после чего выглянул из-за угла шкафа, чтобы оглядеться.

– Цыц, ребенок. Хватит там шуршать, – вполголоса сказала женщина.

В следующие десять минут не происходило ничего. Ни движения, ни звука. Идеальная атмосфера для медитации. Чем я и занимался вот уже девять минут, ускоряя регенерацию и наводя марафет в организме. Вообще-то ударов я получил мало, но много ли надо одиннадцатилетнему телу.

Звук открываемой двери, пусть и хорошо смазанной, был отлично слышен, как и звук шагов. Судя по всему, в кабинет вошло человек пять. Пришедшие люди явно не собирались идти дальше, обосновавшись у двери. Поняв это, Акеми включила свет, и тишина, вроде и так полная, вдруг стала абсолютной.

– Так, так, так. Неужто шлюшка Наката не нашла лучшего места для своих игр? – раздался мужской голос. – И игр явно агрессивных. – Это он на разгромленный кабинет, похоже, намекает.

– Очень остроумно, Болт...

– Не называй меня так, дрянь!

Никакущая у него выдержка. Если это босс пришедших, то я удивлен, как он вообще им стал. Хотя если он какой-нибудь мелкий бандюган, то почему бы и нет?

– Ну извини, других твоих имен я не знаю. – Удар ниже пояса, судя по тому, как он отреагировал на свое прозвище.

– Тварь. – Я б скорее назвал ее стервой. – Отдай мне то, за чем я пришел, и обещаю: умрешь ты быстро.

– Ну-ну, ты хоть скажи, за чем ты приш...

– Молчать! – Матерь божья, да он совсем псих. – Отдай

документы, тварь!

— Эх, — о-о-о, сколько муки в этом вздохе, — ну вот всегда так. Пришли, наследили, нагрубили.

— Молчать!

— Да-да, я тебя поняла. Мальчики, будьте так любезны...

Секунда — и воздух наполнился звуками выстрелов и криками людей. Выглянув на мгновение из-за шкафа, я увидел пустой кабинет и отфутболенный практически ко мне рюкзачок, с которым я сюда заявился. Акеми по-прежнему сидела на столе, покачивая ножкой, а ее лицо выражало задумчивость. Видимо, что-то решив для себя, женщина устремилась на выход, не забыв подхватить револьвер сорок четвертого монструозного калибра.

«Что ж, действовать надо быстро», — с такими мыслями я выбил большой палец и освободил правую руку от наручников. Неприятная, кстати, процедура, боли я по-прежнему не чувствовал, но... общие ощущения те еще. Вправив палец, я на четвереньках метнулся к рюкзаку, благо он был рядом. Развернувшись, пополз к столу, на котором лежала моя маска, попутно захватив свой шокер, валявшийся у ножки стола. И, когда я уже протянул руку за маской, мой взгляд уперся в сейф.

О-ла-ла!

Сейф был открыт. Точнее, прикрыт. Эта дурная королева из-за своей самоуверенности не захлопнула дверцу. Ну и что бы *вы* сделали на моем месте? Правильно! То же, что

и я.

Взяв, наконец, со стола маску и нацепив ее на себя, я на полной скорости, что выдавали четыре моих конечности, ломанулся к сейфу. Заглянув в него, сразу увидел то, что искал, – пухлую папку под названием «Три сакуры». Кроме нее там лежало еще три папки, какая-то жестяная коробка и семь пачек с деньгами. Проверять, что же такое я краду, не было времени да и смысла теперь, поэтому я, быстро запихнув бумаги в рюкзак, на мгновение задумался. И с мыслью: «Почему бы нет?» – кинул туда же деньги.

И вот теперь мне предстояло самое интересное – выбрать-ся из здания. Звуки боя все это время нарастали, перемещаясь вглубь. В симфонию пистолетных выстрелов вклинилось знаменитое изделие графа Калашникова и даже что-то наступательно-взрывательное в качестве ударников. Скорее всего – аналог «РГД-5», судя по звуку. Выход из кабинета ведет в офис, который, в свою очередь, выходит в немалое помещение, заставленное ящиками и какими-то тюками. В офисе, кстати, стекла бронебойные, уж не знаю зачем.

Мимолетный взгляд в дверной проем показывает, что в следующем помещении никого нет. Пригнувшись, вдоль стены бегу к выходу. Осторожно выглядываю и наблюдаю картину ожесточенного боя. Мышь, а это вроде бы он, буром прет на троих бандюг, которые в упор поливают его автоматными очередями. Серега со своим ножом в руках танцует в компании каких-то мужиков, стараясь при этом не по-

падать под пушечные выстрелы других гопников, укрывшихся недалеко от автоматчиков. Настоящий вояка. Уверен, что он Ветеран, а значит, как и Мышь, может выдерживать автоматные очереди, но при этом все равно старается избегать попаданий. Уже тогда я знал, что такое «доспех духа» и чем он отличается у бойцов разных рангов. Про Виртуоза я тогда ни бум-бум. Спасибо отцу Шины, я примерно представлял, на что способны те же Ветераны, а также два младших и два старших ранга. И все равно мне было дико видеть подобное своими глазами. Ведь даже в родном мире, на пике своих сил, будучи официально самым опасным бойцом Земли, я бы не пережил выстрела в голову. А тут какой-то... гражданский прет против трех «калашей», и ему хоть бы хны.

Ну да не будем о грустном. Исиатама на пару с безымянным напарником вертелся в толпе противников, выводя из строя то одного, то другого. А вот Акеми с китайцем видно не было, зато было слышно. Вот так с ходу определить я не мог, но где-то в глубине здания раздавались выстрелы... и да, взрывы тоже.

Итак, для начала нужно решить, как уходить. Окна здесь хоть и небронированные, но находятся слишком высоко для меня. Чтобы добраться до запасного выхода, придется пройти мимо толпы сражающихся людей и остаться незамеченным стрелками, засевшими буквально в двух метрах от двери в коридор. Ну и, конечно, главный выход. Путь туда

относительно чист, но именно где-то там сейчас воюет Акеми. И именно туда мне придется идти. С теткой и психом я, может, встречусь, а может, и нет. А вот пробраться к запасному выходу я вряд ли сумею. Так что – вперед, по стеночке, по стеночке.

Примерно на полпути к выходу из клубка дерущихся людей выбросило визжащее тело. Задев ящики, за которыми я в этот момент находился, оно врезалось в стену рядом со мной. Переломанные руки, ноги и, судя по виду, позвоночник вызвали у меня желание добить еще живого страдальца. Мимолетное. В конце концов, это и без меня сделают. А когда я был у самых дверей, меня чуть не сшибло еще одно тело, буквально снесшее двери. Замерев на мгновение, я обернулся и успел увидеть, как русский запускает в мою сторону очередного летуна. Дождавшись стыковки тела со стеной и показав живой катапульте средний палец, нырнул в дверной проем и на полной скорости погнал в сторону главного выхода.

Коридор. Дверь. Коридор. Поворот. Опять поворот. Дверь. Еще один офис. Дверь. Развилка, направо. Еще одна дверь. Развилка. Выстрел.

Кувырок через плечо, разворот в сторону, откуда был произведен выстрел.

«Вот... уродец! Что ж это за ночь такая?»

Метрах в десяти от меня стоял тот самый псих, главарь стремительно убывающих летунов. И в руках у него был на-

правленный в меня семнадцатый «Глок». Одно из изделий, которые вплоть до винтика копируют аналог моего мира. И сейчас этот отличный пистолет был в руках мужика, судя по лицу, находящегося на последней стадии бешенства. Причем досталось челу не слабо. Правая щека расцарапана в кровь, левый рукав оторван, правая штанина держится на паре ниток, левое бедро в крови. В целом, нехило он повоевал.

За спиной, в двадцати метрах от меня, – двери в холл. А там – пара коридоров в другие части здания, закрытая входная дверь и главное, что мне надо, – обычные, не бронированные окна. Передо мной, в десяти метрах, мужик с пистолетом и жаждой крови. А мои прежние скорость и сила где-то в районе «когда-нибудь будет». Эх, вспомним былые времена, забацаем маятник. Да не простой, а с шагом назад.

Итак. Дернуть головой влево, шаг вправо, выстрел. Слегка дернуть правой кистью, чуть заметное движение правым коленом, шаг влево, выстрел. Движение плечами вправо, еще один шаг влево, выстрел. Качание маятника – это вам не просто мотание тела туда-сюда, это чтение противника, его моторики и окружающего пространства. Идеальное владение своим телом. Маятник – это, если так можно сказать, телесный гипноз. Ты не просто знаешь, куда выстрелит противник, ты сам фактически стреляешь его руками. Движение правой стопы, правой руки, чуть согнуть левую ногу, шаг вправо, выстрел. Выстрел. Выстрел.

Ба-а-бах. Выстрел сорок четвертого калибра из-за моей спины сносит часть черепа и само тело уже бывшего психа.

— Ну наконец. Заставил он меня побегать. — Акеми, тудыть ее. Ну кто ж еще. — А ты все продолжаешь меня удивлять, малыш. Первый раз такое вижу. Ты как будто знал, куда он будет стрелять. — Да ну на фиг, в этом мире что, маятник не качают? — Научишь?

Даже не знаю, что тут ответить.

— Да ладно, не жмотись. Пойдем добьем оставшихся и спокойно все обсудим.

Ну что за фигня! Или судьба сгинуть мне в эту ночь? Эта... кобыла стояла в проходе, закрывая единственный на данный момент выход. Назад бежать... некуда, собственно. Да и не даст она.

— Ладно, приятель, сдавайся. Некуда тебе бежать. Мои парни, наверное, уже закончили и идут сюда. Так что повернуть — не выход, а впереди я. Да я даже стрелять не буду, так поймаю. У меня ведь ранг Ветерана, слышал о таком? — с усмешкой спросила она.

М-да, дела...

— Не будешь? — Я покрутил шеей, хрустнув позвонками. — Ну так поймай.

Я начал отходить назад для разбега. Остановившись напротив двери, чуть согнул колени и расставил руки, приготовившись сорваться с места. Мгновение-другое, и я, плечом открыв дверь, несусь обратно в глубь здания. Почему обрат-

но? Ну а как вы себе представляете проход ребенка мимо Ветерана? Это ж нереально. Даже если я каким-то чудом сумею обойти ее, я тупо не смогу от нее убежать, Акеми поймает меня метров через пять. А так есть шанс, что она просто не станет за мной гнаться — я ведь бегу в руки ее парней.

Пробежав почти весь коридор, расположенный за дверью, я убедился в том, что был прав: женщина только-только вошла в коридор. Толкнув оказавшуюся передо мной дверь, я очутился на лестничной площадке. Перепрыгивая через две ступеньки, поднялся на второй этаж. С помощью шокера, который уже был у меня в руке, открыл ближайшую дверь, благо замки в здании по большей части были идентичными. Мне повезло, в первом же кабинете обнаружилась решетка воздуховода. А так как в моем плане скрытность не предусматривалась, я эту решетку просто вырвал, сил на это хватило. Мгновенно ввинтившись в трубу воздуховода, я, аки червяк, направился в глубь здания. И уже через пять минут мог быть уверен, что в ближайшее время меня отсюда никто не вытащит. Размер труб не позволит.

План был прост — добраться до ближайшего выхода вентиляции, ведущего наружу. Сами выходы заканчивались винтами, которые я, может, и остановил бы, но вот пролезть между ними уже бы не смог. Но мои преследователи в этом вряд ли будут уверены. Учитывая расстояние между винтами, там и правда не все так ясно. Я-то дома у Фантика все проверил и знаю, что застряну, а вот Акеми этого не зна-

ет. Так что мне нужно было добраться до внешней вентиляции и с помощью ломика, который я всегда таскал с собой, остановить винты. Потом залечь в глубине труб на пару дней и дожидаться, пока не схлынет ажиотаж и все не успокоится. После чего ночью спокойно вылезти обратно и выбраться из пустующего здания. Проблема сейчас была только одна – найти этот чертов выход. Подобный план мной не прорабатывался, и систему воздуховода этого здания я не заучивал. Да и не знал толком.

И ведь получилось! За исключением парочки нюансов.

Во-первых, до нужного мне выхода из воздуховода я добирался три часа. Три часа ползания в такой кишке! Напомню в очередной раз, в прошлой жизни я был Разрушителем. Не шпионом и разведчиком, как Тень, не убийцей, как Стиратель, в конце концов. А пусть и не обычным, но все-таки банальным бойцом. И подобное передвижение в подобном месте для меня в новинку. Пару раз я даже понял, как себя чувствуют больные клаустрофобией. В общем, очень неприятные три часа.

Во-вторых, ожидание. После того как заблокировал винты, я отполз подальше, вынул из рюкзака бутылку с водой, а сам рюкзак положил под голову, растянулся в трубе и приготовился ждать пару суток. Однако то ли у Акеми или ее молодцов был хороший глазомер, то ли они просто были настолько упертые, но лишь на пятую ночь здание покинули толпы людей, и я смог убраться оттуда. И скажу я вам: это

было нелегко. Четверо суток без еды – это и для взрослого немало. А бутылка воды объемом была всего лишь ноль тридцать три.

Осторожно подобравшись к ближайшему выходу из воздуховода, пару часов прислушивался к малейшему шороху по ту сторону решетки. Так и не услышав ничего серьезного, кое-как выбрался из трубы и, покачиваясь, направился к заднему входу здания. Именно так я попал в это проклятое место и именно там, как я надеялся, проще всего выйти. Коридоры, кабинеты повороты, развилки, двери. Широкий коридор, и вот я на дебаркадере. Спускаюсь по небольшой лесенке и вздыхаю. Эти уроды кроме обычного замка навесили на боковую дверь справа от ворот еще и огромный амбарный. Жаль. Хотелось выйти отсюда незаметно, но, видимо, не судьба. Снять-то его не проблема, а вот обратно надеть, с другой стороны, увы... Ну да демоны с ними, заберу с собой – пусть репу чешут, что это означает.

На снятие замка, открытие и закрытие двери мне понадобилось восемь минут. Оказавшись снаружи, я вздохнул с облегчением и даже на пару мгновений расслабился, после чего, собравшись, двинулся к ближайшему схрону, не забывая посматривать по сторонам. Схрон был так себе, расположен на заброшенной стройке чего-то там и не рассчитан на людей. Вообще ни на что не рассчитан, так, одно название. Зато таких нычек у меня было много, и в каждой из них были, кроме всего прочего, припрятаны обычная одежда, а еще

пара банок консервов и бутылка воды. Переодевшись, заморив червячка и, наконец, утолив жажду, я смог впервые за несколько суток расслабиться и отдохнуть. Правда, недолго, все-таки две банки рисовой каши – это как-то не то. Документы и свои вещи я решил оставить там же, не фиг таскать с собой такое палево. На часах – семь двадцать три, домой я доберусь часа за полтора-два, день отдыха, а уже вечером можно будет забрать вещи, сдать документы и получить тяжким трудом заработанный гонорар.

Всю дорогу домой у меня было отличное настроение. Оно и понятно. Простое вроде бы и продуманное задание обернулось полосой неудач. Но я с честью прошел все испытания и добыл-таки эти гадские документы. И как бонус захватил некую сумму денег из сейфа госпожи Накаты. Видели лицо? Да и черт с ним, пусть теперь попробуют что-нибудь сделать со своим знанием. Найти ребенка в многомиллионном городе вроде Токио лишь по портрету? Три раза *ха*. Ну а то, что будут ловить карлика в маске, я и так предполагал. Можно просто сменить имидж или еще что-нибудь придумать. После получения денег время на раздумья у меня будет. Да и не факт, что ловить станут, все-таки я только исполнитель, да еще и работающий через посредников. Но сейчас важно лишь то, что я, черти их всех подери, выбрался! И имею полное право пребывать в отличном настроении.

Лишь зайдя в дом и захлопнув за собой дверь, я смог почувствовать, как напряжение, так до конца меня и не остав-

лявшее, покидает меня.

«Дом, милый дом. Как же я рад тебя ви... Да когда ж, наконец, это все закончится?»

В гостиной, расположившись на диване и в кресле, сидели Кагами и Акено Кояма. И взгляды их говорили, что у кого-то большие проблемы. Догадайтесь, у кого.

* * *

– Да отстаньте же вы от меня наконец! Я в двенадцатый раз говорю: по делам ездил. По своим личным, собственным делам. И никого более они не касаются.

– Ну ладно, а к началу учебных дней почему не приехал? Дело происходило на каникулах, кстати. И я умудрился пропустить первые два дня занятий.

Вот ведь дотошный тип! И чего ему надо? С другой стороны, это-то как раз и понятно: хочет узнать, где я был. Вот только мне это не надо.

– В седьмой раз вам говорю, Акено-сан: я заболел. Три дня провалялся с температурой, а как только смог, вернулся обратно.

Кагами в это время шуршала на кухне, не встречая в «мужской» разговор. Все, что она сделала, когда разглядела меня в прихожей, это прошлась по мне суровым взглядом, потрогала мой лоб и без слов пошла на кухню. Видимо, моя вынужденная голодовка и общий препаршивейший вид

не ускользнули от ее взгляда. И вот теперь, спустя полчаса допроса, я ловил потрясающие запахи с кухни.

– И кто же за тобой ухаживал все это время?

– Те, к кому я приезжал.

– И к кому же ты приезжал? – пошел на новый заход отец Шины.

Ох, как хочется съязвить.

– А вот это мое личное дело, в которое я не собираюсь никого посвящать.

Акено строго смотрел на меня. Вот он набрал воздух в легкие, чтобы продолжить допрос, но вдруг задержав на мгновение дыхание, выдохнул:

– Ладно. Оставим на время. А то ты сейчас слюной захлебнешься. Кагами, что там с обедом? – повысив голос, спросил он.

В общем, отбился. И кстати, к этой теме старшие Кояма больше не возвращались, видимо признав, что даже у такого мелкого парня, как я, могут быть свои тайны.

Но если вы думаете, что история на этом закончилась, то глубоко заблуждаетесь. Как ни странно, все только начиналось.

В конце недели, отъевшись, отоспавшись, отметившись в школе и успокоив семейство Кояма, я отправился отдавать документы. А когда получил гонорар и уже собрался уходить, посредник остановил меня.

– Подожди, Карлик, есть у меня к тебе дело. – Полнова-

тый, серенький, незапоминающийся продавец лавки смотрел на меня с хитрецей.

На что я написал в блокнотике: «Все дела через месяц, не раньше».

– Ну это тебе решать. Я, собственно, по другому вопросу. – Мне стало интересно, и я махнул головой: мол, продолжай. – Буквально вчера с нашей гильдией связались и попросили устроить встречу с тобой.

«Со мной?»

– Да не с тобой конкретно, а с тем, кто украл документы.

«Вот настырная тетка! – Я был уверен, что это Акеми, поэтому, покачав отрицательно головой, развернулся, чтобы уйти. – За кого меня принимают, за идиота?»

– Да подожди ты, Карлик! – чуть громче сказал посредник.

«Да что ж такое! Черт с тобой, выслушаю», – подумал я и обернулся, предлагая толстячку продолжать.

– Пойми, Карлик, эта встреча пройдет под патронатом гильдии посредников. Тебе абсолютно ничего не грозит. Придешь, послушаешь, что тебе скажут, и уйдешь. Может, что прибыльное предложат. Или проблемы свои порешаете без крови.

«Под патронатом гильдии, значит? Наверное, это выход. Неохота мне все-таки жить оглядываясь».

И я написал в блокнотике: «Где и когда?»

М-да, все-таки Токио этого мира весьма похож на Токио моего. И это несмотря на все отличия в истории. Примерно так я думал, сидя в семейном кафе на улице Омотэсандо, что в районе Сибуя. Как и в моем мире, эта улица тянулась от станции метро «Омотэсандо» к станции «Мейдзи-дзингу маэ». И быть бы ей такой же безликой, как и большинство других, если б не одно «но». Эта улица вела к храму Мэйдзи – крупнейшему синтоистскому храму Токио. А ведь в этом мире император Мэйдзи – один из популярнейших в Японии. И его история кардинально отличается от истории моего мира. Да что там его. Вся история этой Японии пошла иначе благодаря этому правителю. Так что неудивительно, что здесь эта улица имеет историческое значение и весьма популярна. А где популярность и толпы народа, там и желающие на этом заработать.

Сейчас я сидел в одном из великого множества местных кафешек и ждал Накату Акеми, что-то не спешащую на встречу. Она опаздывала уже на десять минут, а еще через пять я решил валить отсюда.

«Надо же, успела. Дрянь длинноногая».

Войдя в кафе и окинув зал быстрым взглядом, Акеми направилась к моему столику. Что интересно, ее дуболомов я не видел. Не факт, что их нет где-то поблизости, но на глаза

они не попадались. Тем временем Акеми, элегантно присев ко мне за столик, уставилась на меня зелеными глазами.

– Ну здравствуй, малыш! Интересное ты место для встречи выбрал.

– Здесь камер нет, и маски многие носят. В отличие от того места, которое выбрала ты. – Конечно, грубовато сразу на ты переходить. Но кто она мне? Никто, почти враг.

– Эй-эй, побольше уважение к старшим. – Эх, знала бы ты мой психологический возраст, тетенька. – Не дорос ты еще со мной в таком тоне разговаривать.

– Это ты моим синякам расскажи. У меня плечо до сих пор ноет, – не моргнув глазом, соврал я.

– Ты еще спасибо скажи, что жив остался, малец, – враз став серьезной, ответила она.

– Уже.

– Что?

– Уже сказал. И даже отблагодарил, купив своим шустрым ножкам отличные кроссовки.

– Ну ты... Ну наглец! Вот только наглеть нужно в меру, я ведь могу и обидеться. Смогу я тебе что-нибудь сделать или нет, вопрос десятый. А вот врага заводить на ровном месте просто глупо.

– Согласен. Вот только я тебя обокрал, а ты меня пытаться хотела. Так что мы с тобой и так отнюдь не товарищи.

– Но можем ими стать, а в перспективе и друзьями.

– С дамочкой, которая пытается детей? Не смей мои тап-

ки.

На мои слова она только скривилась. Да, я знаю, что она не стала бы этого делать, наверняка что-нибудь придумала бы. Мало ли как, по ее мнению, можно запугать ребенка. И именно поэтому я сейчас тыкал ее в этот эпизод. Пусть устыдится лишний раз и не забывает, что перед ней одиннадцатилетний мальчик. Мне вот интересно, спустит ли она на тормозах, извинившись за тот случай, или будет и дальше держать марку.

– Ну что тут поделаешь. Не я такая, жизнь такая.

Хех, все-таки второе.

В это время к столу подошла молодая официантка лет шестнадцати и поставила на стол мой заказ. Мороженое в вафельке, ванильное, с шоколадной крошкой, ням-ням. Тьфу ты, заговариваюсь. В прошлой жизни я мороженым не увлекался, да и в этой тоже. А тут заказал от нечего делать и проникся. Заказал еще раз – и вот, проникаюсь дальше. Надеюсь, что просто это десерт здесь отличный, а не тело малолетнее требует свое.

– Ох, Небесные Супруги! Ребенок. Мы тут серьезные разговоры ведем, а он мороженое трескает. – Я поднял взгляд. Акеми с улыбкой смотрела на меня, положив подбородок на скрещенные ладони. – Как тебя хоть зовут, парень?

Вот, галимый развод! Ну совсем она меня не воспринимает.

– Издеваешься? Издеваешься. Зови, как все, Карликом.

— Ну что ж... Карлик, давай все-таки поговорим серьезно. Ты у меня кое-что украл, и если документы, как я подозреваю, уже ушли, то деньги придется вернуть.

Я так и застыл с ложкой у рта. Нормальные предъявы. Может, ей еще рассказать, где я живу? Черт, я даже слов подобрать не могу. Вот ляпнула так ляпнула.

— Прикольный анекдот, но давай все-таки о делах.

Теперь уже застыла она. А я потерял интерес к разговору. Если тебя сразу начали прогибать, то ты в глазах собеседника ничего не стоишь. А мне с моим возрастом подобное отношение изменить будет сложно. Нет, все возможно, но оно мне надо? Она пока даже не намекнула на мои дивиденды, а я уже должен суетиться? Нет уж, я еще мороженое не доел.

— Пока эта история на анекдот не тянет. — Ну вот и все. По тормозам не дала, в шутку не обратила. Теперь осталось доест мороженое и пойти домой.

Она распибалась еще пять минут. Пять минут двенадцать секунд, если точно. Ровно до того момента, как я доел мороженое, отодвинул тару и встал. Особо я ее не слушал, но то, что по делу она ничего не сказала, я понял.

— До свидания. — Взяв со стола маску, я направился к выходу.

И резко остановился, почувствовав, как эта мадам схватила меня за руку. Усилием воли заставив себя не дергаться, посмотрел на женщину. Я почти выколол ей глаза. Уж не знаю, получилось бы у меня это, но стремление такое воз-

никло. И шанс на удачную попытку у меня был – она вряд ли ожидала нечто подобное.

– Отпусти.

– Сядь. – Пауза. – Поговорим о деле.

– Иди-ка ты на четыре цифры, женщина, а у меня и без тебя дела найдутся.

– Присядь, – уже мягче сказала она. – Я сюда не деньги с тебя требовать пришла. У меня к тебе действительно дело есть.

А я что, стою, смотрю. На нее, на руку, опять на нее.

– Ладно, будем считать, что с деньгами я сама опросто-волосилась, – сказала она, медленно отпуская мою руку. – Не было никаких денег. Замяли.

«И это после пятиминутного монолога? Грубо работаете, Акеми-сан, грубо».

Сесть или не сесть, вот в чем вопрос. Решил сесть. Уйти-то я успею, а так, вдруг и правда что интересное скажет.

– Давай о деле.

– Секундочку. – Я поднял руку, привлекая внимание официантки. – Надеюсь, на этот раз разговор действительно пойдет о деле.

– Ты знаешь того, кто заказал документы? – начала Акеми после того, как официантка приняла мой заказ и отошла от нашего столика.

– Нет, не знаю. Я работал через гильдию посредников, о чем ты, несомненно, осведомлена, и в такие подробности

не вдавался.

– Мало ли. Ну а что за документы ты украл, в курсе?

– Не в курсе. – Провокационный вопрос. Я вполне мог заглянуть в папку, и никто не узнал бы об этом. Вряд ли она поверит мне, что бы я ни ответил. – После того, как ты меня... обнаружила, мне стало совершенно параллельно, что внутри. В любом случае меня искали бы. А так... Меньше знаешь – крепче спишь.

– Я твою позицию поняла, хоть и не согласна. А вдруг там компромат на кого-нибудь. Согласись, искать свидетеля не то же самое, что искать какого-то воришку.

Черт, а ведь она права. Как же это я не подумал об этом. А понтов тут накидал...

– М-да, твоя правда, признаю, – откинулся я на спинку стула. – Вот только что теперь об этом говорить?

– Тут тебе повезло. Ничего секретного в той папке не было. Всего лишь документы, дающие право владеть детским садом «Три сакуры» и, что важней, землей, на которой он стоит. Конечно, полной частной собственности не выйдет, – что неудивительно при отношении к земле, царящем в империи и не только, – но даже то, что есть очень неплохо. К тому же садик расположен в очень удачном месте для любой гильдии. Впрочем, это сейчас не важно.

Гильдии. В моем мире их бы назвали «преступными кланами». Но здесь к слову «клан» весьма трепетное отношение. А вот про «якудз», сколько я здесь живу, ни разу не слы-

шал. Кстати, слово «гильдия» – это мой вольный перевод. По-японски «гильдия» звучит как «гирудо». Но так они себя редко называют, обычно употребляется слово «сеге-куми-ай». И вот что еще интересно: группировки постоянно воюют между собой, ну или как минимум пакостят друг другу, но они имеют общие правила и свод законов, образуя, таким образом, структуру, которая называется Гарагарахэби. Или, если по-русски, «гремучая змея».

Миловидная официантка, на этот раз лет восемнадцати, с улыбкой поставила передо мной порцию мороженого. Клубничное. Мм...

– Апельсиновый сок, – сделала заказ Акеми и, когда де-вушка отошла от нашего столика, спросила: – Ты так любишь мороженое?

– Не-а, просто редко его ем.

– И как же это... А, ладно, не важно. Вернемся к нашему делу.

– Прошу прощения, я действительно извиняюсь, что прервал. Не хочу лишний раз грубить, но давайте все-таки вы сразу скажете, что от меня требуется. Я не совсем понимаю, зачем мне знать, что за документы я у вас выкрал. У меня вполне конкретная профессия – прийти, взять, уйти. И что именно я беру, мне знать не положено. К тому же конкретно эти документы к делу уже не относятся.

– Очень даже относятся. Я хочу, чтобы ты их выкрал. На этот раз для меня.

Ну, примерно нечто в этом духе я и подозревал. Правда, после короткой прелюдии Акеми я думал, что выкрасть надо что-то другое, но у моего прежнего заказчика. Так почему бы не те же самые документы?

— Судя по твоим словам, если он не дурак, то такие важные бумаги он сразу положит в государственный банк. От греха подальше. И тогда я выбываю из игры. Не мой уровень.

— Вот если бы ты дослушал до конца, то знал бы, почему это не так. А теперь придется просто поверить мне на слово. Ближайшие две недели бумаги будут находиться у него дома.

Эх, поспешил. И правильно меня на место поставили. Для дела мне и правда эти сведения не нужны, но любопытство гложет. Ладно, уточняю и, пожалуй, соглашаюсь.

— Есть ли еще какая-нибудь информация по делу, которую мне *необходимо* знать?

— В целом ты достаточно осведомлен. Есть цель, есть место, где находится эта цель, примерное время нахождения там цели, ну и, конечно, то, что цель будут усиленно охранять. Остальное — мелочи, которые ты узнаешь в рабочем порядке, если согласишься.

Коротко и по делу. Которое обещает быть непростым. Сложнее предыдущего, без учета случайной встречи с Акеми и ее амбалами.

— Ты должна пообещать, что по завершении работы у тебя больше не будет ко мне претензий.

— Обещаю.

– Раз так, давай поговорим об оплате.

Что тут скажешь – цену она назвала в два раза больше, чем была предыдущая. Хотя без предварительного осмотра места действия я рисковал, поэтому пришлось договариваться, что после осмотра я могу отказаться от дела. Без последствий. Ну сверх того, что уже было.

Рассказывать, как все прошло, я не буду. Собственно, не о чем. Духовая трубка и усыпляющий газ в воздуховод. Вот и все.

Дальше история становится еще интересней. На меня вышел мой первый заказчик, который и начал эту эпопею с бумагами на детсад. Преступный авторитет по прозвищу Робо был мужиком умным. И более жестким, чем Наката Акеми. Так что разговор с ним был намного тяжелее, но, что удивительно, договорились. От него я узнал, почему он не положил бумаги в банк. Оказывается, Акеми успела оформить землю на себя, и документы ему нужны были для суда. Не бегать же ему каждый день в банк. А вот у Накаты таких проблем не было, и папка скорее всего уже находилась в банковской ячейке. Я уж было отказался, но Робо сказал мне, что судебный процесс он завершать не собирается, и хоть вероятность выиграть дело у него нулевая, но и самой Акеми рано или поздно понадобится взять бумаги из банка. А значит, и шанс на кражу будет.

Вот так-то. В конечном итоге я крал эти дурацкие документы девять раз. Вы только вслушайтесь в эту цифру: де-

вать раз! У одних и тех же людей. Да на меня в преступном сообществе ставки стали делать. И еще многие ждали, когда и кем меня заменят.

А эта парочка, видимо, пошла на принцип, с каждым разом выкрасть документы становилось все сложнее, но нанимали почему-то именно меня. Ну наверное, были причины. Акеми, кстати, сделала на мне денег. Эта паршивка поставила на то, что я ее обворую. Через подставных лиц поставила, само собой. А в девятый раз я понял, что это уже последний. Робо был на взводе, и я четко осознал, что после получения документов он попытается меня убрать. Уж не знаю, почему именно меня. В конце концов, я не самый опытный вор среди Гарагарахэби – токийского сообщества преступных гильдий. И моя смерть ничего не изменит. А вот его репутация очень сильно упадет, ведь эта история стала весьма известна, так что замять или скрыть мое устранение не выйдет. И кто после такого будет с ним работать? Однако последний разговор с Робо оставил вполне четкие ощущения. Почему же в очередной раз я взялся за эту работу? Все просто – с историей пора было кончать. И если найдутся свидетели, что после выполнения заказа меня попытались убрать, то мне ничего не будет, если я сам уберу заказчика. Пусть даже с чужой помощью. Поэтому мой путь лежал напрямик к госпоже Наката.

На входе того самого приснопамятного здания меня никто не остановил. Я просто вошел, миновал охрану и направился

в глубь здания, мимо офисов и складов. В маске, что примечательно. Уж не знаю, что там было в голове у охранников, но меня даже не окликнули. Хотя может, у Акеми есть монитор с внешними камерами, и меня просто засекли на подходе, передав охране, чтоб пропустили? Сейчас узнаем.

Пока шел к памятному кабинету, чувствовал любопытные взгляды окружающих. И даже не сразу понял, что меня смущает. А когда понял, даже с шагу сбился. Ведь я буквально *ощущал* взгляды позвоночником, даже не видя, кто на меня смотрит. Более того, я чувствовал более одного взгляда. Особо продвинутые люди могут чувствовать... взгляд в спину, так сказать, это общеизвестный и задокументированный факт. Но то, что сейчас происходило со мной, – это последний шаг перед освоением отвода глаз. Не невидимость, нет, а именно отвод. Конечно, сразу исчезнуть в толпе я не смогу, начинать придется с малого, но все же, все же... Кстати, эта способность раскрывается не у всех. Проявляться она может и у Ветеранов, но осваивать ее начинают только Специалисты. Ну по системе рангов моего мира. И оттачивают эту способность до победного. Я, например, достигнув ранга Абсолюта, и вправду мог исчезнуть в толпе. Да что уж там, я и от взглядов других ведьмаков уйти мог, до Витязя включительно. С Мастером уже проблемно, а с Абсолютом вообще никак. Ну да там другие способности в ход идут.

И еще, чтобы уже не было вопросов. Ведьмаки в моем мире, помимо специализации, вроде того же Разрушителя, то-

же имеют ранги. Правда, в разных странах они называются по-разному. Начинающему ведьмаку в России присваивают самый младший ранг – Ученик. А дальше по нарастающей – Воин, Ветеран, Специалист, Витязь, Мастер и Абсолют. А вот названия местных рангов едины для всей планеты и отличаются только произношением, что и понятно, страны-то разные. Начальный ранг – Новичок, следом за ним идет Ученик, и, чтобы получить эти ранги, бахир не нужен. А вот дальше без него никак. Начиная с Подмастерья на экзамене проверяется в том числе и умение владеть бахиром. После Подмастерья идет Воин, потом Ветеран, Учитель, Мастер и Виртуоз.

И вот, находясь сейчас посреди офиса и ловя на себе самые разные взгляды, я осознал, что еще один шаг, еще чуть-чуть – и одна из самых полезных возможностей человеческого разума покорится мне. И даже то, что «сокрытие» – так эта способность отмечалась в официальных, хоть и секретных, документах – не могло влиять на камеры и вообще на электронные средства обнаружения, воздействию его были подвержены только люди, не могло понизить мое настроение.

«Так, спокойно, собраться. Сейчас думаем о деле».

Постучавшись в кабинет Акеми, подождал. Тишина. Может, там нет никого? Постучал снова. Подождал. М-да, что за непруха! И где ее искать? Ладно, бог любит троицу, стучу опять.

– Да достали, уроды, заходите уже! – И прибавила еще

парочку крепких выражений.

Н-да, при мне она матом не ругалась, факт.

Сидит. Нахохлилась, как воробей, и косится то в монитор компьютера, то в какие-то бумаги на столе. Забавно, она так даже милей смотрится и выглядит лет на двадцать.

Пока шел к рабочему столу, за которым пыхтела эта особа, написал в блокноте: «Привет!» А подойдя, сунул под нос Акеми. Что тут скажешь – это надо видеть. Непонимание, ступор. И ме-э-эдленное поднятие бровей.

– Я тебя, мелкий, сейчас урою. – О! Хм... что ж, она меня явно не ждала. В таком случае, охрана здесь ни к черту. – Будь ты взрослым, сказала бы, что ты глупец, и параллельно сломала бы тебе руки-ноги. Но ты ребенок и, как большинство детей, слишком нахален.

В чем-то она, конечно, права, даже, наверное, во многом. Вот только, по ее градации, я глупый ребенок, а это не совсем верно. Я, по крайней мере, на это надеюсь.

«Есть дело, которое надо обсудить. Это будет интересно нам обоим».

– Мог бы уж и так говорить, без своего дурацкого блокнота, – проворчала Акеми. – Здесь, в кабинете, нет записывающих устройств. И сразу предупреждаю: не надейся спокойно отсюда выйти, если мы не договоримся. Как ты вообще сюда попал?

Верить, не верить? Впрочем, ладно, мой голос на записи ей мало что даст. Да и шестое чувство говорит о том, что она

не врет.

– Супернавороченная система маскировки.

– Шутишь? Или нет?

Ну вот, даже и пошутить нельзя.

– Можешь охрану поспрашивать. Но это потом. Сейчас о деле.

В целом договорились. Акеми поначалу хотела захому-
тать меня к себе в должники, но я отбрехался. Не только мои,
в конце концов, проблемы решаем.

Идея проста. Встречаюсь с Робо и передаю ему докумен-
ты. Он их проверяет и пытается меня убить, в ответ люди
Акеми убивают его. Обычно место предлагает он, и если я
прав, то место на этот раз будет безлюдное. Какой-нибудь
тупичок или стройка, или... ну, не важно, все и так понятно.
Возможен и другой расклад, но тогда уже я изменю место
встречи.

Параллельно договорился со знакомым посредником,
чтобы он был свидетелем. Раздобыл у Фантика камеры скры-
того ношения. Даже договор об охране с Акеми заключил
со всеми бланками, печатями и датой начала контракта, что
главное. Столько дел переделал, со столькими людьми пе-
реговорил, что под конец уже жалеть стал, что такую волну
поднял. Если я ошибся с Робо, то мне придется ох как не
сладко. Но если все пройдет, как надо, то вопросов у тех,
под кем ходит мой заказчик, не возникнет.

Подробно описывать замес, пожалуй, не буду. Скажу толь-

ко, что Акеми, как она гораздо позже призналась, сильно переживала за меня. Ведь первое мгновение после барского взмаха рукой моего первого и последнего заказчика на документы по делу детсада «Три сакуры» и слов: «Убить его», – я был весьма уязвим. Но светошумовая граната и команда интернациональных отмороzków Акеми отлично справились с заданием, и я имею честь сейчас рассказывать вам эту историю.

Все было сделано, как сказали бы у меня дома, «по понятиям», здешним, во всяком случае. В своем мире я с преступным миром не контактил и их «понятий» не знаю. Так что с главой гильдии Пеламиды, под которым ходил Робо, проблем не было. Тяжба по детсаду, которая тянулась все это время, закончилась. И Акеми смогла наконец оформить землю на свое имя, после чего документы, из-за которых заварилась вся эта каша, превратились в простую бумагу. И мы на пару с «молодой красивой девушкой» торжественно их сожгли. Я заработал известность, твердую репутацию и прозвище Тэка – Токийский Карлик. Ах да, еще три миллиона шестьсот йен за восемь заказов. За девятый и последний этот урод Робо даже не счел нужным деньги принести. Что обидно, ибо обещал он прилично.

А еще через полгода умер Сергей. Акеми в очередной раз развязала новую интригу, которая должна была сильно поднять ее в иерархии Гарагарахэби и в своей гильдии в частности, но, видимо, что-то не учла. Серегу подловили в тот

момент, когда он находился совершенно один в офисе их команды. Что там происходило, не знаю, но разрушения были знатные. Когда Акеми вернулась к себе, то застала разгром внутри здания и восемнадцать трупов, не считая самого Сергея. Троиخ опознали как Ветеранов. Во имя твое, во славу твою, Серега.

В тот раз эта дура сама чуть не отбросила копыта, уж больно знатно ее тогда обложили. Друзья превратились в деловых партнеров, знакомые все куда-то делись, а ее люди... нет, не разбежались, но и высунуться не могли. Все, что у нее осталось, это деньги, распиханные по заначкам, и уже четыре амбала.

Вся надежда была на некую шкатулку, находящуюся в тот момент в Государственном имперском банке. Вещица ей не принадлежала, и вы, наверное, уже догадались, к кому она обратилась. И это уже не история, это целая эпопея, которая к делу не относится и о которой вполне можно умолчать. Скажу лишь, что мне пришлось раскрыться перед Фантиком. У этого старика, оказывается, была мечта всей жизни – обокрасть ГИБ. А без него у меня не было и шанса, не в то время, по крайней мере. На одном отводе глаз в данной ситуации я бы далеко не уехал. И да, к тому времени я это умение освоил и мог отвести взгляд двоим обывателям. Вот так вот. После того случая Акеми стала должна мне жизнь. И не потому, что у меня получилось, а потому, что я вообще взялся за ее заказ.

Что было в той шкатулке, я так и не узнал, заказчица молчит до сих пор. Фантика замели, но меня он так и не сдал. А через два года я устроил себе еще одно эпическое приключение, вытаскивая его на свободу. Ну и примерно в то же время наши дела с Занозой, это, как ни смешно, прозвище Акеми, так переплелись, что я счел возможным открыть ей свое имя и адрес.

Глава 3

Закрыв крышкой кастрюлю с тушеным мясом, я выключил плиту. И именно в этот момент подал голос телефон. Сполоснув руки и подхватив полотенце, пошел брать трубку.

– Привет, босс. Не отвлек? – раздался голос из мобильного.

– Ну что за глупая постановка вопроса, Таро-сан. Да, отвлек.

– Ваше занудство не имеет границ, босс.

– Уволю ведь, говори уже, чего хотел.

Нэмото Таро состоит в отделе по связям с общественностью в Шидотэморю. А неофициально занимается теми легальными делами, в которых я не хочу светиться.

– Я по поводу Сомачу. Он закончил наброски первой главы этой вашей новой манги и просит встречи. Что-то там по поводу названия.

– А поконкретней не в курсе?

– Вроде «Наруто» ему не нравится, хочет что-то свое предложить.

Да-да, бейте меня, ругайте меня, уж такой я плагиатор. И вот теперь придется встречаться с человеком, который рисует уже не первую «мою» мангу, и объяснять ему, почему так, а не иначе.

Я, между прочим, оставляю Сомачу всю авторскую сла-

ву. Правда, забирая себе права на мангу. Ну я же вор, никто не забыл? Вот и ворую идеи своего мира.

— Ох, — вздохнул я. — Ладно, передай, что я зайду к нему... мм... в пятницу, часов в шесть.

— Как скажете, босс.

— Это все, я надеюсь?

— Да, слава богам. Просто этот чудик... — Он, между прочим, и правда немного того. — Он мне всю плешь проел своими звонками. Я сначала на вас ссылался, мол: босс сказал, ты сделал, но он... достал, в общем. — М-да, молод он еще выходить против мангаки со стажем.

В целом парень весьма компетентен, и пробивная способность у него развита очень даже. Но все-таки двадцатилетний возраст порой сказывается. А выглядит он года на два моложе, что тоже порой мешает. Мне в этом отношении проще, как ни странно. На деловых встречах люди знают, что вот этот ребенок главный. А в Японии отношение к начальству, пусть и чужому, особенное. Человек, облеченный властью, имеет право на маленькие недостатки, например, возраст. Хоть отношение к нему все равно не будет таким же, как к взрослому, но и полнейшее пренебрежение, как в других странах, отсутствует. Вспомним заодно, что я нахожусь в другом мире, и в тутошней Японии не принято обращать внимание на возраст лет этак с четырнадцати. Но вот ведь гадство, совершеннолетие при этом все равно наступает в восемнадцать. Видимо, такое положение вещей образовалось

в связи с тотальным засильем той или иной аристократии. И, что главное, детей этой аристократии. Неудивительно в конечном итоге, что Таро ни разу не обозначил своего пренебрежения ко мне, и это учитывая четыре года разницы.

– Разберемся. Передай ему про встречу, но скажи, что это моя инициатива. А то совсем тебе на шею сядет.

– Как скажешь, босс. Спасибо.

– Все, пока. Звони, если что.

– До встречи, босс.

Нажав отбой, пошел в гостиную. Дел срочных нет, ужин приготовлен, так что пойду соседей своих навещу, есть у меня к ним разговор. Да и прояснить многое надо, а то у меня башка от лишних мыслей взорвется. Это ж надо, столько лет жить с ними бок о бок и не догадываться, что мои соседи Кояма и клан Кояма – одно и то же. Вот это и значит, бревно в своем глазу не заметить. Господи, да мне стыдно перед самим собой. Однофамильцы, ага, у одного из старейших и сильнейших кланов Японии. А гербы, что у них повсюду развешены? Нет, как выглядит герб клана Кояма, я не знаю, не интересовался, но что это еще за герб может быть. Как я мог подумать, что семья – обладатель герба, может быть однофамильцами другой такой семьи? Это ж аристократия, там не бывает родов с одной фамилией, да им бы просто герб не дали. Это не мой мир, тут к своей фамилии, как и к своей крови, очень серьезное отношение. Вы думаете, почему аристократы практически не ругаются на людях,

разве что внутри рода? Да потому, что, не дай бог, по запарке что-то не то скажешь, например: сукин сын. Всего лишь сукин сын. Я вот, не совсем обычный обыватель, знаю о двух войнах из-за этих слов. В одном случае дрались два клана, в другом – два рода. Не верю, правда, что там оскорбили случайно, но факт остается фактом, хочешь ругаться – ругайся, только род не трогай, за личное оскорбление и отвечать придется лично, не навлекая беду на всю семью.

Конечно, можно подобрать причины для оправдания: мол, как же так, как аристократы могли обосноваться в таком районе. Или: а где же слуги, которые обязательно есть у больших шишек. Можно и чисто психологические причины найти, в конце концов, я просто представить себе не мог, что семья, которую я знаю всю жизнь, пусть и богатая, но очень скромная, окажется среди первых родов империи. А уж сколько теперь вопросов возникает...

К черту, все к черту. Ни к чему по десятому кругу мысль гонять. Надо идти и выяснять.

Выключив комп и убрав свой будущий ужин да и завтрак, к слову, собрался идти в гости. Но не успел. Старик меня опередил, позвонив в дверь, как раз когда я надевал обувь.

– Здравствуйте, Кента-сан, проходите, пожалуйста. Чай, кофе?

– И тебе привет, Синдзи. Кофе, если не трудно.

Еще бы он чай попросил. Вообще-то старый любит этот напиток, но он у меня настолько паршиво получается, что

выбор старика очевиден. А вот то, что он вообще принял предложение что-то выпить, говорит о серьезности предстоящего разговора. Интересно. Например, Акено, отец Шины, всегда соглашается как выпить, так и перекусить. А старик Кента – только если намечается разговор о чем-либо, и своей привычке ни разу не изменял. И мне действительно интересно, с чем он пришел.

Я проводил старика, как всегда одетого в традиционное мужское кимоно, на этот раз черно-серого цвета, до гостиной и, предложив сесть в единственное находящееся там кресло, пошел на кухню. Я не спец по приготовлению кофе, я вообще не понимаю всех этих священнодействий при его варке, как и при заваривании чая, само собой, так что, быстренько сварганив напиток в кофеварке, вернулся в гостиную.

– Как прошел первый день в школе? Завел друзей? И как тебе вообще Дакисюро? – сделав первый глоток, стал расспрашивать старик.

– Отличная школа, сразу чувствуется элитарность. Друзей за один день не найдешь, но знакомство завел, есть такое дело. Ну а в целом... Так себе денек, могло бы быть гораздо лучше.

– Друзья, знакомые... зануда ты, – услышал я в ответ бормотание. – Как я слышал, у тебя сегодня в школе кое-что неприятное произошло?

Да ладно, неужто он знает о Шиновском спиче? Следил, что ли? Если нет, то плохо. Получается, слухи о том, как его

внучка вбила мою репутацию в асфальт, дошли даже до директора. Замечательно. Я за один день стал печально известен на всю школу. Я, конечно, понимал, что это произойдет достаточно быстро, но не настолько же. Теперь ясно, с каким делом он ко мне пришел. Видимо, будет извиняться.

– Не волнуйтесь, Кента-сан, я с этим разберусь.

– Ну волноваться, предположим, нужно тебе.

Ась? Не понял.

– Прошу прощения?... – Я прямо чувствовал, как мои брови устремляются ввысь, но ничего не мог с этим поделать.

– Не понимаю твоего удивления. Ты всерьез рассчитываешь разобраться с главой клана Исикава? И как, если не секрет? – фыркнув, спросил меня гость. Ехидство в этот момент так и перло из старика.

Поелозив в плетеном кресле, он с любопытством уставился на меня, всем своим видом показывая, что ответ на его вопрос ему ну очень интересен. Я же в некой прострации окинул взглядом гостиную.

– Что-то я совсем потерялся, Кента-сан, вы это о чем? – На этот раз удивленный взгляд вперился уже в меня.

– Исикава Кишо, сорок четыре года. Глава клана Исикава. Женат, отец четверых детей. Два сына, две дочери. – Вот хорек старый, хорош обстановку нагнетать. – И вот как раз одну из этих самых дочерей ты сегодня оскорбил. Старшую. Любимую, смею заметить.

Вот ведь... стерва, и вправду дрянь! Нет, ну это просто

паразитическое умение – почти до мата меня довела. Второй раз за день! И это при конкретном ее отсутствии в зоне видимости! Да я... вот... Фу-у-ух. Спокойствие, Макс, только спокойствие.

– Если бы я тебя не знал, то не стал бы вмешиваться. Если бы знал чуть хуже, настоял бы на твоём публичном извинении. – Спокойней, Макс, сохраняй спокойствие. – Но я знаком с тобой достаточно хорошо, чтобы прийти сюда и уточнить, что все-таки произошло между вами.

– Если вкратце, то она трижды оскорбила меня, а потом дала понять, что считает нас не то чтобы слугами, а так, ничтожеством.

– Сурово. И что, вот так вот, без причины?

– Поводом было то, что мы стоим посреди дороги и мешаем ей пройти. И это при том, что она в меня врезалась, когда мы стояли с краю этой самой дороги. Специально к бордюру отошли.

– Ты все говоришь: «Мы», – а если уточнить? – медленно, чуть задумчиво спросил Кента.

– Охаяси Райдон. – Старик чуть приподнял брови. – Да-да, тот самый. Сын главы клана.

– Однако. Девочка попала. – Да-а-а, старикашка умеет менять стиль общения. – Я так понимаю, твой... знакомый подтвердит все, что ты сказал? Впрочем, не вижу смысла ему лгать. Даже будь эти два клана союзниками, чего и в помине нет. Что ж, насчет этой проблемы можешь не волноваться,

остаётся другая, – и пристальный взгляд.

– Ну что ещё? – спросил я после непродолжительного молчания, не вечно же в гляделки играть?

– А вот это ты мне скажи. Про случай с девушкой ты и не вспоминал, но день у тебя все равно был не очень. Хотелось бы узнать почему.

– Вы уж простите за грубость, но мне-то что? Хотите – узнавайте.

Тут главное не перегнуть. Слова-то грубы, но ведь главное не слова, а то, как их подать. Я так или иначе собирался рассказать про подставу его внуки, вот только представить это надо не как жалобу. Так что выговорил я все это с некоторой неуверенностью, как будто на меня подействовал его строгий взгляд. Аки подросток, пытающийся отстоять свою независимость.

– Синдзи-кун, – о, вот и суффиксы в ход пошли, – ты поступил в школу, где учится весьма специфический контингент, и одно неосторожное слово может сильно тебе аукнуться. Наверное, будет лучше, если ты мне все расскажешь.

И вот эти его слова меня немножечко взбесили. Какого черта он вообще тогда меня в Дакисюро запихнул? Он что, думал, мне адреналина не хватает? Или рассчитывал, что я буду подо всех прогибаться? Слугу, что ли, для своей внуки готовит? Может, мне ему ещё доклады ежедневные писать?

Умом я понимал, что все это фигня, а «истина где-то там», но вспышка раздражения и возмущения была слишком силь-

на. Пришлось встать и пойти за сигаретами, по пути успокаиваясь. Грубить в любом случае не стоило, все ж таки старик... А вот закурить при нем – самое то. В свое время все семейство Кояма приложило немало сил, чтобы отучить меня от этой дурной привычки. Чуть ли не до боевых действий дошло. Хотя от Шины как раз-таки пришлось отбиваться. Закончилось все их капитуляцией и негласным уговором – не курить в присутствии почтенного семейства. Исключением являлся мой дом ну и случайности. Потом война вступила в холодную стадию намеков и обвиняющих взглядов, так что я старался не курить при них даже у себя дома, дабы не спровоцировать новый виток. Вот с тех пор так и повелось – если меня кто-то из них достал и хочется ругаться или я чем-то раздражен, а вспылить нельзя, то я просто закуриваю. Им неприятно, а мне по барабану.

Вернувшись обратно уже с прикуренной сигаретой, поставил на стеклянный столик пепельницу и плюхнулся на диван. В целом придется немного изменить линию поведения. Благо старик Кента знает меня как вполне взрослую личность, с десяти лет как-никак один живу. Хотя поначалу пришлось повозиться: не так это просто ребенка изображать. Так что с ним можно не притворяться шестнадцатилетним юнцом. А взбрыкивающий время от времени гормональный баланс подтверждает то, что видят его глаза. Вот авантюристка Акеми до сих пор время от времени на меня странно поглядывает. С ней-то с самого начала попаданец из другого мира

общался.

– Я не буду спрашивать, зачем вы вообще тогда направили меня в Дакисюро. Что случилось, то случилось, время покажет, правы вы были или нет. Что касаясь неприятностей, то с ними я все же попробую разобраться сам. Не думаю, что все прям уж настолько плохо, как вы описываете. А на будущее постараюсь почаще оглядываться. Возможно, удастся избежать опасностей, – закончив, я запрокинул голову вверх и выдохнул дым в потолок. Я сознательно нагнетал обстановку – пусть посмущается, а то, надо же, взял моду юношей страшать.

– Э, Синдзи... ты меня явно не так понял. Ни о каких *опасностях* и речи не идет. Я имел в виду обычные школьные проблемы.

О как запел.

– То есть глава клана Исикава, предъявляющий претензии, – это школьные проблемы? – хмыкнул я.

– Синдзи, Исикава Кишо обратился со своей претензией ко мне, а не к тебе. Хочу, кстати, обратить на это твое внимание. Кишо – достойный человек, и не только из-за того, что не стал разбираться с этим делом сам. Так что зла на него не держи, кто другой вполне мог просто набить тебе морду за оскорбление любимой дочери, не разбираясь в деле вообще, ну, или послать кого-нибудь. Это да.

– Вот тут вопрос спорный, Кента-сан. Слишком уж у меня неопределенное положение, – В ответ приподнятые в вопро-

се брови. – Ой, вот только не надо тут непонимание изображать. Все вы прекрасно знаете. Я ведь никто, но при этом являюсь соседом главы клана Кояма, который, ко всему прочему, протолкнул меня в элитную школу. – Старик замер. На полмгновения, но замер. – То есть с одной стороны, никто, а с другой – протее Кояма Кенты. И вот еще вопрос. Если в школе так серьезно относятся к словам, то как Шина должна была мне помогать? – с ухмылкой, разряжая обстановку, спросил я. – Она же не может целый день за мной бегать.

– Ты слишком плохого о себе мнения, я думаю, что тебе достанет мозгов не нарываться, – с улыбкой ответил старик. – Да и Шина девочка умная, как-нибудь выкрутится.

– Да ну-у-у, – протянул я. – Вы как-нибудь поспрашивайте у нее, что сегодня за день в школе произошло, а потом мы с вами обсудим соображалку вашей внучки.

То, что старик вытянет из нее душу, я был уверен. Даже если Шина в самом начале упомянет про случай у стенда, старик все равно на всякий пожарный заставит ее расписать весь день посекундно. Пусть маленькая, но все же месть.

– Так-так, вот оно что! Ладно, вернемся к этой теме позже. А сейчас, может, все же уважишь старика и затушишь, наконец, это порождение злобных сил? – попросил дед, разгоняя рукой дым.

Затушив сигарету, задумался. Старик мне не мешал, видимо, у него тоже было о чем подумать. А меня в данный

момент больше всего интересовало, знают ли Кояма о моих родителях. Одно дело – обычная семья, пусть и богатая, и другое – правящий род одного из международных кланов, и уж точно одного из первых японских. Главе клана Кояма узнать, где мои родители, куда они наострились и почему бросили сына, – раз плюнуть. Щелкнет пальцами, и вся эта гигантская махина, что обзывается международным кланом, будет работать на поиск моих блудных родичей. Сутки, двое и у него на столе будет лежать пухленькая папочка по этому делу. Вот мне и интересно, насколько старик любопытен.

Кстати, необходимо уточнить для непосвященных разницу между обычным кланом и международным. Я вроде уже упоминал отношения между кланом и главой государства, но все же напомним. Они равноправные партнеры, если грубо. Кланов живут на землях государя, платят чуть завышенные налоги, подчиняются законам государства, но при этом являются суверенным образованием. Не буду рассказывать все плюсы, получаемые кланами, да я и не знаю всего, но даже то, что лежит на поверхности, уже немало. Права у клановцев похожи на посольские, то есть их нельзя просто захомутать в кутузку и продержат там несколько дней. Некоторые законы вообще на них не распространяются. Если обычного человека за убийство в любом случае будут судить, то представители клана во многих случаях от этого отмазываются. Например, если убит член какого-нибудь другого клана. Или вот, например, владение оружием. Члены кла-

на и клан в целом могут владеть — хранить и носить — *любое* оружие. От какой-нибудь шестимиллиметровой пукалки до линкора со всем его вооружением. Другое дело, что я не слышал, чтобы кланы владели более чем шестью эсминцами. Ибо и сами корабли, и их обслуживание — дорогое удовольствие даже для столь обеспеченных людей.

А вот боевые роботы, не говоря уже о мобильных доспехах, — это да, любой уважающий себя клан имеет столько тяжелой техники, сколько может позволить содержать. В среднем от десяти до тридцати машин. Правда, в черте города тяжелая техника запрещена. И да, как я мог забыть. Клановые могут быть уверены, что никто не сфабрикует против них дело, что к ним не придут незапоминающиеся личности, чтобы уволочь их в застенки и сгноить там без суда и следствия. Любой клановец знает, что если ему и выдвинут обвинение, то суд будет справедливым настолько, насколько это вообще возможно. Хотя тут работает и обратная сторона: если за таким человеком все-таки пришли, то восемьдесят из ста — он виновен.

В ответ кланы присягают главе государства на верность и обеспечивают всемерную поддержку. А при их экономической и военной силе это очень и очень немало. Причем, заметьте, поддержку. Никто не может приказывать кланам, они — государство в государстве. Император может лишь попросить, и, если его просьба не относится к безопасности конкретно его самого или страны в целом, кланы вполне мо-

гут вежливо его послать. Подозреваю, но точно не знаю, что это не все, и в отношениях «император – кланы» великое множество дополнительных условий и нюансов.

В истории Японии, кстати, имеется многовековой казус по поводу этих самых отношений. Все знают, что с тысяча сто девяносто второго года власть императора в стране была номинальной, в то время как правил сегун и его правительство – бакуфу. Императору оставили право давать разрешение на создание клана, какие-то там еще права, с японской историей у меня не очень, а также церемониальные функции. И вот в этом вся соль. Историки до сих пор не могут понять, почему императорский род, заключающий договор с кланами, как до воцарения сегуната, так и после, не кинул клич кланам. Почему до самой эпохи Мэйдзи правители просидели на десятых ролях, довольствуясь своим незавидным положением. Ведь решение было на поверхности. Попроси помощи – и войско, не уступающее армии сегуна, встало бы под твои знамена. А если еще и время удачно выбрать, то и никакой гражданской войны бы не было. Видимо, с императорским родом случилась такая же бяка, что и со мной, они просто не видели то, что лежит у них под носом. Ведь что выходило: кланы дают обещание поддерживать главу государства, которым, по факту, был сегун, но получали разрешение о создании клана и давали слово именно императору. Чем, наконец, и воспользовался хитрый Мэйдзи в девятнадцатом веке, вернув себе всю полноту власти. Тоже, меж-

ду прочим, интересная история, если рассматривать ее параллельно с историей моего мира. Но сейчас разговор не об этом.

Так вот, возвращаясь в современность. Кланов получают много бонусов и прав и фактически две-три обязанности. Неудивительно, что главная привилегия – право на создание клана – считается великой честью и великим даром, и получить это самое право очень, ну очень сложно. В то же время кланы как деньги, если их слишком много, они обесцениваются. Даже если отбросить цинизм моего мира и предположить, что клановцы не станут нарушать слово и указывать главе государства, что делать, или тем паче устраивать революцию, то все равно... никакому правителю не понравится, что на его землях кучкуется толпа вооруженных до зубов дядек, количеством больше, чем его армия, и при этом устраивает между собой потасовки. Так что, как ни крути, главе любого государства невыгодно, когда кланов слишком много.

Скорей всего еще лет двести назад все было проще, и создать клан было пусть трудно, но возможно. Сейчас же сложно даже представить, что нужно сделать, чтобы император дал свое согласие. Пожалуй, что-нибудь вечное подарить. Ну там... вечный двигатель или вечную жизнь. В Японии последний раз такое было двести лет назад, в начале девятнадцатого века. И новый клан Куруму во время реставрации Мэйдзи неплохо приподнялся.

Международный клан – это, если по-простому, клан, получивший признание двух и более правителей. Их всего четырнадцать во всем мире. Двенадцать кланов, что уломили двух правителей, и два клана, сумевшие уговорить трех. Здесь слова «честь» и «репутация» значат много, если не все. Вон, Испания до сих пор, вот уже четыреста лет, страдает из-за своего давно почившего королька, который додумался нарушить данное им слово. Могучее когда-то государство в течение нескольких лет скатилось до третьесортной страны, и только после Второй мировой, которая в этом мире тоже была, стало выбираться на вторые роли. Немалое, между прочим, достижение. В общем, в этом мире можно быть уверенным, что ни один правитель более-менее развитого государства не станет пачкаться и заключать договор с первым попавшимся кланом. Для этого клан должен быть старым, уважаемым, сильным, богатым... в общем, самым-самым. Ну и, конечно, еще нужно преподнести подарок правителю, ибо за просто так никто вас и слушать не будет. Впрочем, отец Шины как-то раз сказал, что второй подарок подобрать проще, все же признать суперклан – это не то же самое, что дать разрешение на основание нового, молодого и мало что дающего государству. Очередное бревно в моем глазу, между прочим. И хоть проблем у такого клана прибавится, две страны не могут быть друзьями до гроба, вечно, во всяком случае, но плюшек все равно будет больше. А уж как репутация поднимется...

Теперь, я думаю, всем понятно, насколько сложно стать международным кланом и насколько это престижно и выгодно. И главное, насколько могущественен старикашка, сидящий напротив меня. А ведь он еще и Виртуоз! Смешно, если подумать, кого я травлю дешевым кофе.

Надо начинать задавать вопросы. Старик, если у него нет дел, может часами вот так сидеть, а у меня от любопытства скоро кровь закипит. И вот когда я уже набрал в легкие воздух, по нервам ударил дверной звонок. Длинный такой. А потом еще раз. И еще. И еще пару раз. После чего неожиданный посетитель отзвонил незамысловатую мелодию. И опять длинный звонок.

– Это... кто?

Похоже, стариковские нервы не рассчитаны на подобное. Но это фигня, сейчас я скажу ему, кто это.

– Шина, Кента-сан. Она такая затейница.

Открыв дверь, встретил злой взгляд. Звонить Шина перестала, только услышав, как открывается замок, и теперь стояла, уперев левую руку в бедро, а правой держа школьный портфель.

– Совсем охамел, нахлебник, мне тебя что, весь вечер прикажешь ждать?

Не понял. Это как понимать? Что значит «нахлебник»? Нахлебник у кого? Да и какого черта она такими словами бросается? И ладно если бы в шутку сказала, но ее тон не оставляет сомнений в том, что это было ничем не завуа-

лированное оскорбление.

И даже не спросив разрешения, отпихнув меня, зашла в *мой* дом. Это уже даже не наглость, это хамство. Я даже поначалу не понял, что происходит, она всегда была нагло-ватой, но сейчас переступила всякие рамки приличия. Но к тому времени как я пришел в себя, она уже была в гостиной, а ругаться с Шиной при ее деде мне было как-то неудобно. Так что пришлось засунуть свое возмущение с ежесекундно повышающейся злостью куда подальше, сделать морду кирпичом и проследовать за ней. Не забыв закрыть дверь.

Шину я застал посреди гостиной, мнущуюся и смущенную.

– Привет, деда, а что это ты тут делаешь?

Прекрасный вопрос.

Старик посмотрел на нее, потом через ее плечо на меня.

– Да так, дурью маюсь. В отличие от тебя, насколько могут судить мои уши.

– Ну я... это... Ой, а ты опять кофе этого придурка пьешь. Совсем свое здоровье не жалеешь. Давай лучше я тебе чай сделаю. – И, быстренько подхватив чашку с блюдцем, направилась на кухню, однако не преминула бросить, проходя мимо меня: – А то этот недомужчина тебя совсем в гроб вгонит.

Проводив ее взглядом, я сел обратно на диван. Похоже, пора рвать с ней всякие отношения. Это уже ни в какие ворота не лезет. То, на что я мог не обратить внимание наедине, в присутствии кого бы то ни было звучит совсем иначе.

А это ее «недомужчина»! Вообще без комментариев. Будь она парнем, я бы ей руки-ноги переломал. И не посмотрел бы ни на присутствие ее деда, ни на ее бойцовский ранг. Благо, уже с год как почти восстановил свои возможности. М-да, почти. Впрочем, на нее хватило бы.

Немного успокоившись, глянул на старика. Что я могу сказать? Ей явно достанется дома. Лицо деда сейчас – наглядное пособие по действию лимона на среднестатистического человека.

– Я приношу извинения за слова... и действия своей внучки.

Ему явно не понравилось, как Шина ведет себя в чужом доме. Я-то привык, а вот он с этим столкнулся впервые. Даже странно, за все те годы, что мы соседствуем, он впервые пересекся с Шиной у меня. Как будто этот дом принадлежит ей, а я тут просто в гостях, если кто не понял.

– Извиняться надо ей, а не вам.

– В первую очередь мне. – Ага, Япония, тут нравы такие. – Я ее дед, и ее воспитание...

– Вы уж извините, что перебиваю, Кента-сан, но от вас тут мало что зависит. Шина уже не ребенок, и все, что можно, в нее уже вложено. Если человеку на роду написано быть ма-ньяком-убийцей, то, как его ни воспитывай, именно им он и вырастет. А если баба родилась стервой, то ее уже ничто не изменит.

– Весьма спорное утверждение.

– Не весьма, Кента-сан, просто спорное, и я это понимаю. Но таково мое мнение. Если в двух одинаковых семьях с одинаковым достатком, с родителями, у которых одинаковый характер, на одинаковой социальной ступени, даже с похожими друзьями родителей, вырастают совершенно разные дети, это что-то да значит.

– И ты с подобным встречался лично?

– Да. – Причем и в моем мире, и в этом.

– Ну не будем спорить. У каждого свое мнение. Я же считаю себя обязанным извиниться перед тобой. – Я в ответ лишь махнул рукой. – Вернемся домой, и я обязательно поговорю с ней.

– Лучше расскажите все Кагами-сан, уж она-то покажет ей мать Кузумы.

– Что?

– Русское выражение такое.

– Мм, понятно. Пожалуй, ты прав, кому как не матери объяснять, как нужно вести себя девушке.

Вскоре вернулась Шина, неся поднос с двумя чашками. Одну она поставила перед стариком, а вторую взяла сама. Ну а я потянулся за сигаретами.

– Хм, кажется у меня что-то со зрением, – задумчиво произнес Кента, даже не притронувшись к своему чаю. – Никак не могу найти третью чашку.

– Это потому, что ее нет, деда.

– А почему ее нет?

– Потому что мелкий и сам может сделать себе чай, если захочет.

А вот это она зря, лучше б дурочку сыграла и хоть как-нибудь попыталась отмазаться.

– Шина, позорище рода, иди-ка ты домой. – Приветливые интонации старика никак не согласовались со смыслом его фразы.

– Что?

Судя по писку девчонки, в словах и интонации своего деда она слышала гораздо больше, чем я. Что, конечно, неудивительно.

– Марш домой, и до моего возвращения носа оттуда не высовывай! – негромко, но веско припечатал глава клана Кояма.

Вскочив с места, Шина метнулась к выходу. Пусть и не бегом, но *очень* быстро. Через пару мгновений вернулась обратно и, подхватив школьный портфель, столь же шустро исчезла.

Н-да, ситуация. Это как если бы к вам пришел лучший друг... не-э-э, как если бы вы пришли к лучшему другу, а ваша дочь, сестра или там жена явилась бы туда же и начала оскорблять и унижать того самого друга. А ему, другу, кроме всего прочего еще и семейные разборки выслушивать пришлось бы. Так что старика Шина подставила некисло.

– Извини, Синдзи. – Киваю в ответ. Не говорить же, что все нормально. – Я прослежу, чтобы она... раскаялась.

Ох, ничего себе. Впрочем, так ей и надо.

Ладно, сменим тему. Затушив сигарету, я обратился к старику:

– Кента-сан, у меня к вам вопросик имеется, даже несколько, все никак задать не могу.

– Слушаю тебя, Синдзи.

– Скажите, как так получилось, что глава клана Кояма и его семья обосновались... здесь? Уверен, вы, если захотите, замок себе можете построить, но при этом живете пусть в большом, но явно не по вашему статусу доме. Да и само место. Почему не в центре, а на окраине Токио?

– Хм, интересный вопрос. Видишь ли, Синдзи, насчет статуса ты не прав. Есть среди аристократии некие негласные правила, что-то вроде этикета, но более гибкие, изменяющиеся вместе со временем. Например, дом. Примерно века этак до шестнадцатого считалось что замок кроме основных функций является признаком силы и благополучия. От шестнадцатого до девятнадцатого замок уступил место дворцу. Позднее дома аристократии начали уменьшаться. Сейчас наш дом – это эталон хорошего вкуса, для одной семьи. Чем больше народу в семье, тем, соответственно, больше и дом.

– Снова прошу прощения, что перебиваю, Кента-сан, но ваш дом, по-моему, несколько великоват для пяти человек.

– Это не дом велик, Синдзи, а семья у нас маленькая.

Дом же рассчитан на семью из семи-восьми человек плюс слуги. Так вот, это что касается размера. Теперь поговорим о том, почему здесь. Что ты знаешь о родовых землях?

— Судя по названию, земли, принадлежащие тому или иному роду.

— Правильно. Добавлю еще, что пожалованная земля — высшая степень поощрения, не считая, конечно, разрешения на создание клана. Ибо у нас в Японии, как и в подавляющем большинстве других стран, земля принадлежит только главе государства. И лишь он может подарить ее часть. Аристократии перепадает лишь жалкие кусочки, а те огромные территории, которыми они управляют от лица императора, по факту им не принадлежат. Кстати, во времена сегуната многие об этом забыли, за что и поплатились при Мэйдзи. Земли, подаренные государем, перестают быть его собственностью, и их можно продать-купить, подарить кому-нибудь, отнять, в конце концов. Правда, сейчас отнять земли не так просто, как раньше, все-таки законов стало несколько больше, но сложнее не значит нельзя, и такое случается. Также императоры время от времени выкупали родовые земли, а иногда даже отнимали, правда, не у кланов, но и такое бывало. Такой вот круговорот земли в природе. Всего родовых территорий в нашем государстве процентов десять от всей площади государства. Не скажу, что это мало, но и не много.

— Примерно как Италия.

До Второй мировой территория Японии была приблизительно равна таковой в моем мире, но здесь японцы умудрились не только оккупировать Малайский архипелаг, принадлежащий тогда Нидерландам, но и удержать его за собой. Так что здесь и сейчас империя является восьмой в мире по занимаемой территории. Стоит ли упоминать, что в этом мире такой страны, как Индонезия, не существует?

– Эм, ну наверное, не считал. Так вот, есть подозрение, что десять процентов – это тот лимит, который выделяется императором на родовые земли. И увеличивать он его не собирается. И прежде чем кому-то что-то дать, у кого-нибудь что-нибудь заберет. За долги там, или просто купит, или еще как-нибудь. Так что проблема частной собственности стоит очень остро, как у нас, так и в других странах. Цены на пожалованные земли просто заоблачные, а обладатели таких земель получают весомый статус и репутацию. Стоит еще заметить, что чем ближе родовые земли к населенным пунктам, тем они дороже ценятся, да и сам населенный пункт тоже имеет значение. Например, территория, на которой стоит твой дом, без двора, но в центре Токио, будет стоить дороже, чем квадратный километр вблизи какого-нибудь мелкого городка. Мм, примерно так.

– Хех, страшно подумать, сколько стоит ваш дом, Кента-сан. Неудивительно, что вы живете здесь, хоть и не в центре, но в черте Токио. Как я понимаю, это весьма полезно для статуса и авторитета?

– Именно так. Если коротко, то наш дом идеален с точки зрения негласного этикета, к тому же стоит на родовых землях, находящихся в черте столицы.

– И что, поближе к центру ничего не нашлось? – Ой, как-то это грубовато. – Извините.

– Ничего, ничего. Есть у клана и в центре участки земли, но они, как ни крути, невелики. Примерно как наш дом без прилегающей территории.

– Но ведь, по идее, это круче.

– Синдзи... впрочем, сам виноват. Видишь ли, Синдзи, клану Кояма принадлежит не только территория нашего дома, а весь квартал.

Ничего себе заявочки!

– То есть земля, на которой я живу, и все наши соседи...

– Да-да, именно так.

– Но почему... в смысле... зачем вам заселять свои земли левыми людьми?

– Это территория клана Кояма, и, не считая тебя, тут живут только члены клана и люди клана.

Нахлебник. Я и вправду нахлебник. Стоп, надо собраться с мыслями. Я все время, что тут жил, честно платил деньги за жилье и подозреваю, что платил клану. А то, что они могли вытурить меня отсюда в любой момент, меня не касается. И, кстати, да, почему они этого не сделали? Стоп, не о том разговор. Какого я вообще тут живу? Как так получилось, что мои родители тут поселились? И еще: как на-

счет охраны? Даже если они могут прекрасно защитить себя сами, с Виртуозом, Мастером и Учителем в семье, не считая Кагами-сан, уж не знаю, есть ли у нее ранг и какой он, им в любом случае охрана по статусу положена. А учитывая, что здесь живет целый квартал клановцев, то и охраны этой должно быть до фига. Но за шесть лет я ничего такого не заметил, а значит, либо ее тут нет, либо я лох. И скорее всего последнее.

– Черт, у меня после ваших слов столько вопросов появилось, что я даже не знаю, с чего начать.

– Ха-ха, давай уж, вываливай, а там разберемся.

– Ну во-первых, как насчет слуг? Вы просто про них упомянули, что, мол, дом и на них рассчитан, а самих слуг и нет. Также интересно, что с охраной. Все-таки вам по статусу тут охрана нужна, да и без статуса не помешает. Еще интересно, как так получилось, что мои родители здесь поселились. Они ведь не состоят в вашем клане, и в квартале Кояма им делать нечего. И какой ранг у Кагами-сан, если он есть, конечно?

– Ветеран. Насчет слуг – все вопросы к Кагами. Она почему-то вбила себе в голову, что чем лучше жена, тем меньше требуется прислуги. Хотя время от времени все же приходится приглашать слуг, дом у нас немаленький. Насчет охраны все просто – датчики, камеры, как простые, так и скрытые. Додзе, ну, то самое, которое рядом с нами. И, конечно, мониторинг со спутника. Да и обычных жителей квартала нельзя со счетов сбрасывать, они тоже бойцы знатные.

Не все, естественно, но многие.

Теперь я понимаю, как я умудрился ничего не замечать. Тут весь квартал напичкан электроникой. Будь здесь живая охрана, то я почувствовал бы их внимание, а так... Да еще этот спутник. Хотя спутник – это не такая уж и проблема. Следить за одним человеком, да в городе вроде Токио? Ха. Интересно, кстати, что за спутник такой и кто им позволил повесить его над столицей. По поводу остальной техники тоже интересно. Я ведь и раньше знал о ней, каждый день любовался. Многое, конечно, запрятано – дай бог, но тем не менее... Вот только я считал все это обычной дорогой охранкой, всегда знал, что живу среди небедных людей. Но то, что это все соединено в систему... И, конечно, додзе, или, по-русски, спортзал, хотя японцы в это слово вкладывают гораздо больше смысла. Один раз сам ходил посмотреть, а пару раз меня туда пытались затащить. Так что я всегда старался обходить его стороной. А оно вон как. Оказывается, это база бойцов клана. М-да-а-а. Осталось выяснить, следили ли за мной во время моих ночных вылазок. То, что о них знают, это факт.

Кстати, что-то старичок задумался, не спешит рассказывать о родителях.

– Эх. Не хотелось бы мне говорить, но ведь это было неизбежно. Видишь ли, Синдзи, – посмотрел он мне прямо в глаза, – твои родители были частью клана. У них даже свой герб был. Но шесть лет назад они совершили преступление – пы-

тались ограбить клан, выкрасть очень важную вещь. За что были лишены герба и изгнаны.

Потрясающе, мои горе-родители, ко всему прочему, еще и воришки.

– Все равно не понимаю, меня-то почему с собой не брали.

– Видимо, таким образом они пытались оставить тебя в клане. Знали, что мы не станем тебя выселять и присмотрим за тобой, а возможно, и обратно примем. Кагами, например, очень на этом настаивала, но ты еще несовершеннолетний.

– А почему «видимо»? Есть и другие причины?

– Причин можно придумать много, но они по большей части параноидальны и маловероятны.

– Но они есть?

– Конечно, как я сказал, придумать можно много чего. Вот если бы они изначально отказались от своих прав на тебя, ты уж извини за эти слова, тогда все было бы просто и очевидно, а так остается лишь гадать.

Господи, как же все это глупо! Одно-единственное решение, и множество непоняток в будущем. Ну что мне стоило, как и говорилось в прощальном письме родителей, пойти к соседям? Быстренько оформили бы на меня опеку, и являлся бы я сейчас членом клана. Очень сильного клана. Правда, теперь, когда я почти восстановил свои возможности Абсолюта, мне как-то и не хочется в клан. Уж больно

перспективы карьерного роста удручают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.